

Библиотека
журналиста

Возвращенная публицистика

Книга 1
(1900—1917)

МОСКВА
«ВЫСШАЯ ШКОЛА»
1991

Док. А. И. Киселев

М 2010-811/2

Георгий Валентинович Плеханов — один из выдающихся деятелей русского и международного социал-демократического движения, первый пропагандист марксизма в России. С 1873 г. народник, один из руководителей народовольческой организации «Земля и воля». Эмигрировав в 1880 г. за границу, порвал с народниками. В 1883 г. в Женеве создал первую русскую марксистскую организацию — группу «Освобождение труда», которая в сентябре 1883 г. приступила к изданию «Библиотеки современного социализма». За пять лет было опубликовано 15 работ К. Маркса и Ф. Энгельса, переведенных на русский язык. «В Библиотеке современного социализма» вышли также произведения Г. В. Плеханова.

В 1895 г. происходит встреча В. И. Ленина и Г. В. Плеханова. Плеханов одобрительно отнесся к предложению о выпуске группой «Освобождение труда» периодического сборника «Работник» специально для распространения в России. В 1896 г. вышел первый номер сборника, одним из редакторов которого он стал. В 1899 г. Плеханов использовал для пропаганды марксизма ежемесячный журнал «легальных марксистов» «Начало». В августе 1900 г. в Женеве В. И. Ленин участвовал в переговорах с Г. В. Плехановым о совместном издании за границей газеты «Искра» и теоретического журнала «Заря». Претендуя на единоличное руководство ими, Плеханов занял жесткую позицию. Возникли разногласия с Лениным в связи с обсуждением ленинского проекта заявления «От редакции», а также по вопросам организации работы редакции. В начале 900-х годов Плеханов — один из редакторов и публицистов «Искры» и «Зари», участвовал в выработке проекта партийной программы, в подготовке II съезда РСДРП.

На II съезде была утверждена редакция «Искры» в составе Ленина, Плеханова, Мартова. Мартов отказался войти в редакцию. № 46—51 «Искры» вышли под редакцией Ленина и Плеханова. В дальнейшем Плеханов потребовал включить в состав редакции «Искры» всех старых редакторов — его единомышленников. Ленин не согласился с этим и в октябре 1903 г. вышел из редакции. № 52 «Искры» редактировал Плеханов. В дальнейшем он ввел в состав редакции ее бывших редакторов-меньшевиков. Плеханов практически руководил работой редакции «Искры» до мая 1905 г. С марта 1905 г. в Женеве он стал издавать «Дневник социал-демократа», являвшийся своеобразным комментатором событий, происходивших в России, в РСДРП (выходил с большими перебоями до апреля 1912 г.). В «Дневнике» нашли отражение критические взгляды Плеханова на Декабрьское вооруженное восстание, движущие силы, цели и задачи буржуазно-демократической революции.

В годы первой российской революции в структуре печати РСДРП значительное место занимали легальные меньшевистские издания. Г. В. Плеханов принимал участие в «Невской газете», «Русской жизни», в журнале «Современная жизнь», при его ближайшем участии выходил в Петербурге с октября 1906 по 1918 г. ежемесячный литературный, научный и политический журнал «Современный мир». В феврале 1908 г. в Женеве вышел заграничный орган меньшевиков-ликвидаторов «Голос социал-демократа». Плеханов — один из его редакторов. После V (Общероссийской) конференции РСДРП (декабрь 1908 г.) он выступил против ликвидаторов, возглавил группу меньшевиков-партийцев, порвал с «Голосом социал-демократа» и в середине мая 1909 г. формально вышел из редакции.

Г. В. Плеханов, по приглашению редакции ЦО РСДРП «Социал-демократ», ее постоянный сотрудник. 5 апреля 1910 г. опубликовал здесь свою первую статью, направленную против ликвидаторов. Всего в «Социал-демократе» было помещено 8 его статей. С критикой ликвидаторов он выступал в общественно-политическом и теоретическом журнале «Мысль» (Москва), а также в большевистской «Правде» с серией статей «Под градом пуль» (апрель — май 1913 г.). Однако вскоре он занял позицию, близкую к ликвидаторам. И все же на полный союз с ними он сразу не пошел. В апреле 1912 г. в Париже увидел свет орган группы меньшевиков-партийцев и большевиков-примиренцев — листок «За партию» (выходил до 1914 г.). Дальнейшая публицистическая деятельность Г. В. Плеханова связана с этим изданием и выходившим в Петербурге до 1915 г. ежемесячным литературным, политическим и научным журналом «Современная жизнь». В мае 1914 г. он стал во главе редакции легальной газеты «Единство», издававшейся в Петербурге группой меньшевиков-партийцев и большевиков-примиренцев. В июне газета была закрыта. Во время первой мировой войны Плеханов — оборонец, стоял на патриотических позициях, руководил группой «Единство», сотрудничал в еженедельной газете «Призыв» — органе меньшевиков и эсеров. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. он вернулся в Россию, стал во главе возобновленной газеты «Единство», выходившей до декабря 1917 г., призывая к поддержке Временного правительства. К Октябрьской революции отнесся отрицательно, но отверг предложение активной борьбы с Советской властью.

НА ПОРОГЕ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

ХІХ столетіе окончилось. Что дало оно рабочему классу? И чего может ожидать этот класс от начавшегося XX века?

ХІХ столетіе ознаменовалось поразительным развитием техники. Производительные силы цивилизованных обществ приняли в течение этого столетия огромные, небывалые размеры. Их рост естественно вел за собою рост общественного богатства. Но быстрорастущее богатство цивилизованных стран не устранило существовавшей в них бедности. Напротив. Не-

бывалое развитие производительных сил явилось новым фактором ее увеличения. Это очень метко указано и хорошо объяснено некоторыми членами английской королевской комиссии, назначенной для исследования причин застоя промышленности и торговли (Trade Depression). В особой записке, которая вошла составной частью в «Заключительный доклад» (Final Report) комиссии, эти члены говорят, что, вследствие роста производительных сил, коренным образом изменились условия существования цивилизованных обществ: прежде главная трудность заключалась для них в редкости и дороговизне предметов необходимости и удобства; а теперь она состоит в том, что — благодаря развитию машинного производства — людям, не имеющим ничего, кроме своей силы (т. е. пролетариям), всего труднее становится найти заработок, а следовательно, и средства к жизни.

Это значит, что борьба за жизнь в цивилизованных обществах XIX века становилась тем труднее и ожесточеннее, чем более росли их производительные силы, т. е. чем более увеличивалась материальная возможность изгнания из их среды бедности и связанных с нею страданий.

Бедность порождалась избытком. Это противоречие, на которое указывал еще гениальный Фурье¹, перешло неразрешенным в XX век. Его устранение составит главнейшую общественную задачу этого последнего.

Чем труднее и ожесточеннее становилась борьба за существование в цивилизованных обществах XIX века, тем более увеличивались для отдельных членов этих обществ шансы нравственного падения и даже полного нравственного одичания. Их преступность росла в общем гораздо быстрее, чем их население, причем в числе осужденных все более увеличивался процент рецидивистов, наглядно показывая этим полную несостоятельность тех мер, которые принимались цивилизованными обществами для своего нравственного оздоровления.

Таким образом, если рост производительных сил порождал бедность там, где он мог бы создать невиданное прежде материальное довольство, то он же, затрудняя борьбу за существование и усложняя общественную жизнь, — вел к умножению нравственных страданий и нравственной испорченности там, где он мог

бы — устранив искушения экономической борьбы за жизнь — дать сильнейший толчок нравственному облагорожению цивилизованного человечества.

Это противоречие тоже не было разрешено XIX веком и тоже целиком перешло в XX.

Что бы ни говорили явные и тайные, корыстные и бескорыстные защитники капитализма, несомненно, что увеличение трудности борьбы за жизнь и это умножение шансов нравственной испорченности означает ухудшение быта рабочих. В этом отношении XIX век был для них неблагоприятен.

Но он был чрезвычайно благоприятен для них в другом отношении. Он дал им — или, по крайней мере, их передовой, наиболее чуткой и развитой части — то, что для них важнее всех материальных благ и без чего невозможно коренное улучшение их участи: ясное сознание непримиримой противоположности их интересов с интересами эксплуататоров и твердое убеждение в том, что освобождение рабочих должно и может быть делом самих рабочих.

Подобно тому, как XVI, XVII и XVIII столетия ознаменовались освободительным движением буржуазии, XIX век был веком освободительного движения рабочего класса. В этом заключается главнейшая отличительная черта его культурной истории и драгоценнейшее наследие, переданное им XX веку.

Но между освободительным движением буржуазии и освободительным движением пролетариата есть существенная разница. Освободительное движение буржуазии совершалось в пользу меньшинства. Его торжество не устранило эксплуатацию человека человеком, а только изменило ее форму. Освободительное движение рабочего класса совершается в пользу огромного большинства, и его торжество навсегда положит конец эксплуатации одних людей другими. Вот почему победа пролетариата будет в то же время осуществлением самого высокого из всех тех нравственных идеалов, до которых додумалось цивилизованное человечество. Победа рабочего движения, которому многие — умышленно или по недоразумению — приписывают лишь узкие, грубые, «желудочные» цели, будет в действительности величайшим торжеством нравственного идеализма.

Но между борющимся пролетариатом и его великой

целью стоит свирепый и близорукий эгоизм высших классов, которые чувствуют себя прекрасно при теперешнем общественном порядке и в лучшем случае могли бы добровольно согласиться лишь на некоторые частные его переделки. Благодаря этому свирепому и близорукому эгоизму немало крови рабочих пролилось в XIX веке, и, вероятно, немало прольется ее и в XX. И против этого эгоизма пролетариат имеет лишь одно средство: объединение своих сил ради завоевания политической власти. Когда рабочий класс тем или иным путем добьется политического господства, тогда консервативное упорство эксплуататоров разобьется о революционную энергию эксплуатируемых, и тогда будут устранены указанные нами противоречия, унаследованные XX веком от XIX; царство капитализма будет окончено; начнется эпоха социализма.

XX век осуществит лучшие, радикальнейшие стремления XIX века. Но как ни твердо уверены мы в победе пролетариата, как ни ясно видим мы стоящую перед ним великую цель, мы не хотим обманывать ни самих себя, ни наших читателей. Мы вовсе не думаем, что нас ждет легкая победа. Наоборот, мы хорошо знаем, как тяжел путь, лежащий перед нами. Нас ожидает на нем много частных поражений и тяжелых разочарований. Немало в течение этого пути разойдется между собой людей, казалось бы, тесно связанных единством одинаковых стремлений. Уже теперь в великом социалистическом движении обнаруживается два различных направления, и, может быть, революционная борьба XX века приведет к тому, что можно будет *mutatis mutandis* назвать разрывом социал-демократической «Горы»² с социал-демократической «Жирондой»³.

Но каковы бы ни были трудности, поражения и разочарования, ожидающие революционный пролетариат в его борьбе, — его окончательное торжество не может подлежать сомнению. За него ручается как общий ход социального развития в цивилизованном мире, так и — в особенности — развитие той производительной силы, которую Маркс назвал самой важной из всех: самого рабочего класса. Социалистический идеал все глубже и глубже проникает в среду пролетариата, развивая его мысль и удесятерять его нравственные силы. Людям, борющимся во имя этого идеала, буржуазия уже в настоящее время может противопоставить лишь голое

насилие да бессознательность некоторой — правда, пока еще очень значительной — части трудящихся. Но бессознательность уступит место сознанию, передовые рабочие подтолкнут остальных, и тогда... тогда буржуазии останется разве уже «непротивление злу насилем», потому что на стороне революционеров будет тогда также и физическая сила.

Так обстоит дело на Западе. А что сказать нам о нашем отечестве? Россия далеко не так богата и далеко не так образованна, как западноевропейские страны. Но и в ней общественное развитие не прошло бесследно для социализма и в ней XIX век завещает XX драгоценное наследство: зародыш социал-демократической рабочей партии. Историческая обстановка несомненно очень благоприятна для быстрого развития этого зародыша. Если справедливо то, что одна страна может и должна учиться у других, ее опередивших, то социалистическая Россия может и должна многому научиться у западноевропейских социалистов. Самый главный и ничем не заменимый урок, даваемый нам всей историей западноевропейского социализма, заключается в том, что в каждой данной стране ближайшие задачи и тактика рабочей партии определяются действительными общественными отношениями этой страны. Забывать об этих отношениях, руководствуясь общими положениями социализма, значит покидать почву действительности. Нам, русским социал-демократам, необходимо помнить, что XX век ставит перед нами такую политическую задачу, которая с большею или меньшею полнотою уже решена на Западе; у нас во всей красе цветет то самодержавие, о котором западноевропейские люди знают только понаслышке. Разрушение самодержавия безусловно необходимо для успешного и правильного развития нашей партии. Если между западноевропейскими социалистами и их великой целью стоит эгоизм имущих классов, то между нашей зарождающейся партией и западноевропейской социалистической семьей стоит, подобно китайской стене, самодержавный царь с его полицейским государством. Но нет такой стены, которую не могла бы разрушить человеческая энергия. Русская социал-демократическая партия возьмет на себя инициативу борьбы с абсолютизмом, и она нанесет ему смертельный удар, опираясь на более или менее энергичную, прямую или косвенную, поддержку всех тех эле-

ментов, на которые давит теперь тяжелое, неуклюжее здание неограниченной монархии.

Политическая свобода будет первым крупным культурным завоеванием России XX века.

Плеханов Г. В. Соч. М., 1924. Т. 12. С. 62—66.

КАРЛ МАРКС

Тридцать пятый номер «Искры» выходит в свет в день двадцатилетия смерти Карла Маркса, которому и принадлежит в нем первое место.

Если верно то, что великое международное движение пролетариата было самым замечательным общественным явлением XIX столетия, то нельзя не признать, что основатель Международного Товарищества Рабочих был самым замечательным человеком этого столетия. Борец и мыслитель в одно и то же время, он не только организовал первые кадры международной армии рабочих, но и выковал для нее, в сотрудничестве со своим неизменным другом Фридрихом Энгельсом, то могучее духовное оружие, с помощью которого она уже нанесла множество поражений неприятелю и которое со временем даст ей полную победу. Если социализм стал наукой, то этим мы обязаны Карлу Марксу. И если сознательные пролетарии хорошо понимают теперь, что для окончательного освобождения рабочего класса необходима социальная революция и что эта революция должна быть делом самого рабочего класса; если они являются теперь непримиримыми и неутомимыми врагами буржуазного порядка, то в этом сказывается влияние научного социализма. С точки зрения «практического разума» научный социализм отличается от утопического именно тем, что решительно разоблачает коренные противоречия капиталистического общества и беспощадно обнаруживает всю наивную тщету всех тех иногда очень остроумных и всегда вполне благожелательных планов общественной реформы, которые предлагались социалистами-утопистами разных школ как вернейшее средство прекращения борьбы классов и примирения пролетариата с буржуазией. Современный пролетарий, усвоивший теорию научного социализма и остающийся верным ее духу, не может не быть революционером и по логике, и по

чувству, т. е. не может не принадлежать к самой «опасной» разновидности революционера.

Марксу досталась великая честь сделаться наиболее ненавистным для буржуазии социалистом XIX века. Но ему же выпало на долю завидное счастье стать наиболее уважаемым учителем пролетариата той же эпохи. В то время, как вокруг него сосредоточивалась злоба эксплуататоров, его имя приобретало все более и более почетную известность в среде эксплуатируемых. И теперь, в начале XX века, сознательные пролетарии всех стран видят в нем своего учителя и гордятся им, как одним из самых всеобъемлющих и глубоких умов, одним из самых благородных и самоотверженных характеров, какие только знает история.

«Святой, память которого празднуется 1 мая, называется Карл Маркс», — писала одна буржуазная венская газета в конце апреля 1890 года. И, действительно, ежегодная майская демонстрация рабочих всего мира представляет собою величественное, хотя и не предумышленное, чествование памяти гениального человека, программа которого объединила в одно стройное целое повседневную борьбу рабочих за лучшие условия продажи своей рабочей силы с революционной борьбой против существующего экономического строя. Только чествование это не имеет ничего общего с религиозными праздниками; современный пролетариат тем больше чтит своих «святых», чем больше их деятельность способствовала приближению того счастливого времени, когда освобожденное человечество устроит свое царство небесное на земле, а небо предоставит в распоряжение ангелов и птиц...

К числу злых нелепостей, распространявшихся насчет Маркса, принадлежит сказка о том, что автор «Капитала» относился враждебно к русским. На самом деле он ненавидел русский царизм, всегда игравший гнусную роль международного жандарма, готового давить всякое освободительное движение, где бы оно ни начиналось.

За всеми серьезными проявлениями внутреннего развития России Маркс следил с таким глубоким интересом и, главное, с таким основательным знанием предмета, какие едва ли можно было встретить у кого-нибудь из его западноевропейских современников. Немецкий рабочий Лесснер рассказывает в своих воспоминаниях о нем, как радовался он появлению русского перевода «Капи-

тала» и как приятно было ему верить, что в России появляются уже люди, способные понимать и распространять идеи научного социализма. Из предисловия к русскому переводу «Манифеста Коммунистической партии», подписанного им и Энгельсом, видно, что сочувствие русским революционерам и нетерпеливое желание поскорее увидеть их победителями приводило его даже к значительной переоценке тогдашнего нашего революционного движения. А какой радушный прием встречали в его гостеприимном доме* русские изгнанники, показывает его отношение к Лопатину¹ и Гартману². Его разлад с Герценом вызван был частью случайным недоразумением, а частью вполне заслуженным недоверием к тому славянофильскому социализму, провозвестником которого в западноевропейской литературе, к сожалению, сделался наш блестящий соотечественник под влиянием тяжелых разочарований 1848—1851 гг. Резкая выходка Маркса против этого славянофильского социализма в первом издании I тома «Капитала» заслуживает не осуждения, а похвалы, особенно в настоящее время, когда этот социализм возрождается у нас в виде программы партии так называющихся социалистов-революционеров. Наконец, что касается ожесточенной борьбы Маркса с Бакуниным³ в Международном Товариществе Рабочих, то она не имеет ни самонаименования отношения к русскому происхождению этого анархиста и очень просто объясняется непримиримой противоположностью взглядов. Когда издания группы «Освобождения Труда» положили начало распространению социал-демократических идей между русскими революционерами, Энгельс, в письме к В. И. Засулич, выразил сожаление о том, что это произошло не при жизни Маркса, который, по его словам, радостно приветствовал бы литературное предприятие этой группы. Что же сказал бы великий автор «Капитала», если бы ему довелось дожить до настоящего времени и узнать, что у него есть уже много и много последователей в среде русских рабочих? Какою радостью наполнилось бы его сердце, если бы ему пришлось услышать о событиях, подобных недавним событиям в Ростове-на-Дону! В его время русский марксист был редкостью, и передовые русские люди посматривали на эту

* Тот же рабочий Лесснер говорит, что дом Маркса «всегда был открыт для всех надежных товарищей».

редкость в лучшем случае с улыбкою добродушного сожаления; теперь идеи Маркса господствуют в русском революционном движении, а те русские революционеры, которые по старой привычке отвергают их вполне или отчасти, в действительности давно уже, — и несмотря на свою, по большей части, очень громкую революционную фразеологию, — перестали быть передовыми и незаметно для себя перешли в обширный лагерь отсталых.

Немало пустяков говорилось и повторялось также об его частых полемических стычках с противниками. Мирлюбивые, но недалекие люди объясняли эти стычки его будто бы неудержимой страстью к полемике, которая, в свою очередь, будто бы порождалась его будто бы злым характером. На самом деле, та почти непрерывная литературная борьба, которую ему приходилось вести, особенно в начале своей общественной деятельности, вызывалась не свойствами его личного характера, а общественным значением защищаемой им идеи. Он был одним из первых социалистов, сумевших и в теории, и на практике всецело встать на точку зрения классовой борьбы и отделить интересы пролетариата от интересов мелкой буржуазии. Неудивительно поэтому, что ему приходилось часто и враждебно сталкиваться с теоретиками мелкобуржуазного социализма, очень многочисленными тогда особенно в среде германской «интеллигенции». Прекращение полемики с этими теоретиками означало бы отказ от мысли сплотить пролетариат в особую партию, имеющую свою собственную историческую цель, а не плетущуюся во хвосте мелкой буржуазии. «Наша задача, — говорил журнал Маркса «Новая Рейнская Газета» в апреле 1850 г., — состоит в беспощадной критике, направляемой даже более против наших мнимых друзей, чем против наших явных врагов; и, занимая такую позицию, мы с удовольствием отказываемся от дешевой демократической популярности». Явные враги были менее опасны именно потому, что они уже не могли затемнить классовое самосознание пролетариев, между тем как мелкобуржуазные социалисты с их «внеклассовыми» программами продолжали вести за собою многих и многих рабочих. Борьба с ними была неизбежна, и Маркс вел ее со свойственным ему неподражаемым умением. Его примеры не должны забывать мы, русские социал-демократы, которым приходится действовать при условиях, очень похожих на условия, существовавшие в дореволю-

ционной Германии. Мы, можно сказать, со всех сторон окруженные мелкобуржуазными теоретиками специфического «русского социализма», должны твердо помнить, что интересы пролетариата и нас обязывают беспощадно критиковать наших мнимых друзей, например, хорошо известных нашим читателям «соц.-революционеров», — как бы ни возмущала наша беспощадная критика добродушных, но недалеких друзей мира и согласия между различными революционными «фракциями».

Учение Маркса — современная «алгебра революции». Понимание его необходимо для всех тех, которые хотят вести сознательную борьбу с существующим у нас порядком вещей. И это до такой степени верно, что даже многие идеологи русской буржуазии одно время чувствовали потребность сделаться марксистами. Идеи Маркса были незаменимы для них в их борьбе с допотопными теориями народничества, пришедшими в резкое противоречие с новыми экономическими отношениями России. Это хорошо поняли те наши молодые буржуазные идеологи, которые лучше других были знакомы с современной литературой общественных наук. Они стали под знамя марксизма и, борясь под этим знаменем, приобрели довольно громкую известность. А когда народники были разбиты наголову, когда их старозаветные теории превратились в груды безобразных развалин, тогда наши новоявленные марксисты решили, что марксизм уже сделал свое дело и что пора подвергнуть его строгой критике. Эта «критика» совершалась под тем предлогом, что общественная мысль должна идти вперед, но единственным ее результатом оказалось то, что под ее прикрытием наши недавние союзники совершили пятное движение и расположились на теоретических позициях западноевропейских буржуа социал-реформаторского оттенка. Как ни жалок был этот результат столь крикливо возвещенного «критического» похода и как ни тяжело было русским соц.-демократам присутствовать при этих «критических» превращениях людей, вместе с которыми они только что выступали против одного общего врага и с которыми они надеялись впоследствии окончательно сблизиться, но по зрелом рассуждении должны были сознаться, что отступление наших неомарксистов на «священную гору» буржуазного реформаторства не только вполне естественно, но еще является косвенным подтверждением правильности выра-

ботанного Марксом материалистического понимания истории. В 1895—1896 гг. у нас увлекались марксизмом такие люди, которые ни по общественному своему положению, ни по умственному и нравственному своему складу не имели ничего общего ни с пролетариатом, ни с его освободительной борьбой. Одно время на марксизм была мода во всех петербургских канцеляриях. Если бы такое положение дел могло продолжаться, то оно доказывало бы, что основатели научного социализма ошибались, утверждая, что образ мыслей определяется образом жизни, и что высшие классы не могут стать носителями социально-революционных идей нашего времени. Но «критика» Маркса, начавшаяся немедленно после того, как закончилась борьба против реакционных стремлений народничества, лишней раз подтвердила, что Маркс и Энгельс были правы: образ мыслей «критиков» определился их общественным положением; восставая против «фанатизма догмы», они в действительности восставали только против социально-революционного содержания Марксовой теории. Им нужен был не тот Маркс, который в течение всей своей жизни, полной труда, борьбы и лишений, горел священным огнем ненависти против капиталистической эксплуатации: Маркс — вождь революционного пролетариата казался им неприличным и «ненаучным». Им нужен был только тот Маркс, который в «Манифесте Коммунистической партии» объявил, что он готов поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной в своей борьбе с абсолютной монархией и мелким мещанством. Их интересовала только демократическая половина социально-демократической программы Маркса. Это было как нельзя более естественно; но именно эти совершенно естественные стремления наших «критиков» делали очевидной полную неосновательность всяких расчетов на них, как на социалистов. Их место в рядах либеральной оппозиции, которой они и дали — в лице редактора «Освобождения»⁴ г. П. Струве⁵ — внимательного, старательного и талантливое литературного выразителя.

Судьба Марксовой теории доказывает ее верность. И это не только в России. Известно, что западные ученые долго пренебрегали ею, как неудачным плодом социально-революционного фанатизма, но время шло, и с течением времени делалось все более и более ясным даже и для глаз, смотревших сквозь очки буржуазной ог-

раниченности, что плод социально-революционного фанатизма имеет, по крайней мере, одно неоспоримое преимущество: он дает чрезвычайно плодотворный метод исследования общественной жизни. Чем более подвигалось вперед научное изучение первобытной культуры истории, права, литературы и искусства, тем плотнее и плотнее подходили исследователи к историческому материализму*, несмотря на то, что большинство из них или совсем ничего не знало об исторической теории Маркса, или как огня, боялось его материалистических, — т. е., в глазах современной буржуазии, безнравственных и опасных для общественного спокойствия, — взглядов. И мы видим, что материалистическое объяснение уже начинает приобретать себе в ученом мире право гражданства. Недавно появившееся на английском языке сочинение американского профессора Зелигмана «Экономическое объяснение истории» свидетельствует о том, что официальные жрецы науки понемногу проникаются сознанием великого научного значения исторической теории Маркса. Зелигман дает нам понять, между прочим, и те психологические причины, которые препятствовали до сих пор правильному признанию и пониманию этой теории буржуазным ученым миром. Он прямо и откровенно говорит, что ученых пугали социалистические выводы Маркса. И он старается растолковать своим собратьям по науке, что социалистические выводы можно отбросить, усвоив себе только лежащую в их основании историческую теорию. Это остроумное соображение, которое, заметим кстати, хотя и робко, но совершенно ясно было высказано уже в «Критических заметках» г. П. Струве, служит новым доказательством той, не новой уже истины, что легче верблюду пролезть сквозь игольное ушко, чем идеологу буржуазии перейти на точку зрения пролетариата. Маркс был революционером до конца ногтей. Он восстал против бога-капитала, как гетевский Прометей восстал против Зевса. И, подобно этому Прометею, он мог сказать о себе, что если задача заключается в воспитании таких людей, которые, умея по-человечески страдать и по-человечески наслаждаться, сумели бы «не уважать тебя», божество, враждебное людям. А буржу-

* Из новейших авторов упомянем Бюхера, фон-дер-Штейнена, Гильдеда, Эспинаса, Гёрнеса, Фейергерда, Гроссе, Чикотти и целую школу американских этнологов.

азные идеологи именно этому-то божеству и служат. Их задача именно в том и заключается, чтобы отстаивать его права духовным оружием, как полиция и войско поддерживают их оружием холодным и огнестрельным. Признанием буржуазных ученых будет пользоваться только такая теория, которая не покажется им опасной для бога-капитала. Ученые Франции и вообще стран французского языка в этом отношении гораздо откровеннее всех других. Так, еще известный Лавелле говорил, что экономическая наука должна быть перестроена заново, потому что она перестала удовлетворять своему назначению с тех пор, как легкомысленный Бастиа⁶ скомпрометировал защиту существующего порядка. А совсем недавно А. Бэшо в книге, посвященной французской школе политической экономии, нисколько не конфузясь, оценивал различные экономические учения с той точки зрения, какое из них «дает более действительное оружие противникам социализма». Ввиду этого понятно, что идеологи буржуазии, усваивающие себе идеи Маркса, непременно будут стоять «под знаком критики». Мерой их «критического» отношения к Марксу является мера несоответствия взглядов этого непримиримого и неутомимого революционера с интересами господствующего класса. Понятно также и то, что последовательно мыслящий буржуа скорее признает верными исторические идеи Маркса, чем его экономическую теорию: исторический материализм легче обезвредить, чем, например, учение о прибавочной стоимости. Это последнее, — которому один из самых выдающихся буржуазных «критиков» Маркса дал выразительное название теории эксплуатации, — навсегда сохранит за собою в образованных и ученых кругах буржуазии репутацию неосновательного. Экономической теории Маркса ученые и образованные буржуа нашего времени предпочитают «субъективную» экономическую теорию, имеющую то хорошее свойство, что явления экономической жизни общества рассматриваются ею вне всякой связи их с его производственными отношениями, в которых коренится источник эксплуатации пролетариата буржуазией, и напоминать о которых очень неудобно поэтому теперь, когда классовое самознание рабочих подвигается вперед такими быстрыми шагами.

Экономические, исторические и философские идеи Маркса могут быть приняты во всей грозной полноте их

революционного содержания только идеологами пролетариата, классовый интерес которого связан не с сохранением, а с устранением капиталистического порядка, с социальной революцией.

Плеханов Г. В. Соч. Т. 12. С. 325—333.

ЦЕНТРАЛИЗМ ИЛИ БОНАПАРТИЗМ!

(Новая попытка образумить лягушек,
просящих себе царя)

Э, что тут за резкости?! Разве можно быть спокойным, когда говорит не язык, а душа человека? Нельзя! У всякого человека есть такое место, до которого ему больно дотрагиваться.

Нахман в «Евреях» г. Чирикова

Читатель помнит, конечно, с каким юмором описывает А. И. Герцен в «Былом и Думах» то увлечение философскими вопросами, которое господствовало в среде нашей передовой московской молодежи тридцатых годов. «Люди, любившие друг друга, расходились на целые недели, не согласившись в определении «перехватывающего духа», принимали за обиды мнения об «абсолютной личности и ее *по-себебытии*». Все ничтожнейшие брошюры, выходившие в Берлине и других губернских и уездных городах немецкой философии, где только упоминалось о Гегеле, выписывались, зачитывались до дыр, до пятен, до падения листов в несколько дней». Вся жизнь, даже в ничтожнейших своих мелочах, рассматривалась сквозь философские очки. «Человек, который шел гулять в Сокольники, шел для того, чтобы отдаться пантеистическому чувству своего единства с космосом; и если ему попался по дороге какой-нибудь солдат под хмельком или баба, вступавшая в разговор, философ не просто говорил с ними, но определял субстанцию народную в ее непосредственном и случайном явлении. Самая слеза, навертывавшаяся на веках, была строго отнесена к своему порядку, к «гемюту» или к «трагическому в сердце». То же и в искусстве... Философия музыки была на первом плане» и т. д.

Нечто подобное этому увлечению замечается теперь в нашей партии, выражающей передовые стремления нашего времени. Правда, предмет увлечения теперь совсем

другой, от философии далекий. Наша революционная социал-демократия увлекается теперь *организационными вопросами*. Но теперешнее увлечение так же страстно, как и тогдашнее; так тогда зачитывались философскими статьями и брошюрами, так теперь жадно глотают брошюры и статьи, толкующие об организации. Как тогда друзья расходились между собою, не согласившись в определении какого-нибудь философского понятия, так теперь близкие товарищи отдаляются друг от друга и даже проникаются взаимным недоброжелательством, не сумев столковаться насчет формулировки того или другого параграфа устава. И как тогда, так и теперь, наше увлечение, при всей его исторической важности, не лишено некоторого оттенка чужаковатости. Если тогда самые естественные впечатления лишались всякой естественности, потому что на них смотрели через очки философии, то теперь самый простой вопрос революционной практики приобретает подчас забавно-схоластический характер благодаря тому, что его непременно стараются уложить в модную организационную схему. Видно, нам не суждено обходиться без смешных крайностей: «так печет русская печь», — говорил Погодин¹. Но крайности крайностям рознь. Те чудачества, до которых доходили молодые московские гегельянцы, лишь в самых исключительных случаях могли иметь вредные практические последствия. Это были чудачества добродушные по преимуществу. Поэтому и взаимные ссоры московских философов были непродолжительны: люди расходились *на недели*, как свидетельствует А. И. Герцен. А наши взаимные ссоры из-за организационных вопросов, во-первых, длятся несравненно больше; во-вторых, благодаря ограниченности и неразумному усердию некоторых из наших «практиков», они грозят принести нашей партии очень большой, может быть непоправимый, вред: они могут, пожалуй, даже привести к расколу. Вот почему они не всегда просто смешны; порой они гораздо более возмутительны, чем забавны. Пусть же не удивляется читатель, если я иногда буду говорить о них резко. Нахман прав: «Разве можно быть спокойным, когда говорит не язык, а душа человека?» Некрасов выразил ту же мысль прекрасными словами:

Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей...

К стыду нашему, надо сознаться, что вредных чудачеств замечается у нас в последнее время таки много. Мне, вероятно, довольно часто придется возвращаться к ним. Но теперь я буду иметь в виду исключительно те непростительные чудачества, которыми, можно сказать, обессмертили себя «представители» уфимского, среднеуральского и пермского комитетов. Я уже обещал им обстоятельно побеседовать с ними и теперь спешу исполнить свое обещание.

Эти интересные «представители» никак не могут допустить, что одно и то же лицо могло, не противореча самому себе, написать статью «Красный съезд в красной стране» и статью «Чего не делать». Это кажется им совершенно невероятным, и, узнав, что вторая из этих статей принадлежит мне, они первую приписали Ленину. Они говорят с большим пафосом: «Еще не высохли чернила, которыми Ленин писал и учил о том, какой вред приносят партии ее внутренние враги — ревизионисты, оппортунисты и экономисты, как пошли в «Искре» писать о тактичности, мягкости, миролюбии, снисходительности по отношению к этим внутренним врагам».

В № 63 «Искры»² я уже довел до сведения «представителей», что статья «Красный съезд» написана не ленинскими, а моими собственными «чернилами». Теперь я постараюсь выяснить им логичность того, что показалось им до крайности нелогичным.

«В передовой статье «Красный съезд в красной стране», — говорят они, — между прочим, указывается на вред, причиняемый социал-демократической партии Германии не только ревизионизмом, но и ревизионистами, приветствуется резолюция второго берлинского округа, настаивающая на исключении Бернштейна, Гере и Брауна из партии, указывается на то, что ревизионист Бернштейн, остающийся в рядах партии, наделает ей еще много хлопот... В этой статье с сожалением указывается на принятие Международным социалистическим конгрессом в Париже «каучуковой резолюции» Каутского, церемонно относящейся к ревизионистам и ревизионизму».

Все это так: тут мои взгляды переданы верно, хотя говорится о них тем странным языком, каким пишутся у нас обвинительные акты по политическим процессам. Но дело-то в том, что я и до сих пор очень твердо держусь этих взглядов и не менее твердо держался их в то время, когда писал статью «Чего не делать». И если

«представители» с горечью восклицают: «Ревизионисты могут себя поздравить с блестящей победой: они обошли и приручили, наконец, одного из самых непримиримых и энергичных (своих? — Г. П.) противников», то это одно «недоумение», как выражается избитый жандармами купец у Г. И. Успенского. В статье «Чего не делать» я рекомендовал «тактичность, мягкость, миролюбие, снисходительность» *вовсе не по отношению к господам вроде Бернштейна³, Гере⁴ и братии и не по отношению к тем политикам, которых непременно должна была иметь в виду резолюция Каутского (от меня же получившая эпитет *каучуковой*)* и которые, под предлогом «пересмотра марксизма», толкали французский пролетариат в объятия буржуазной демократии. Эти господа и эти политики — наши враги, потому что они враги революционного социализма, и кто стал бы относиться к ним снисходительно, кто захотел бы помириться с ними, тот тем самым показал бы, что он мирится *с изменой всему нашему делу*. Но я говорил о людях, которые совсем не похожи на них. Я говорил, во-первых, о тех российских социал-демократах, которые *когда-то* увлекались ревизионизмом, не заметив его антипролетарской сущности, а потом, и именно с тех пор, как увидели и оценили эту его сущность, повернулись к нему спиною, признали все основные положения «критикуемого» ревизионистами ортодоксального марксизма и теперь только по некоторой инерции мысли сохранили известные дурные (я хотел сказать: *метафизические*) привычки мысли. Я говорил, во-первых, о тех наших товарищах из так называемого меньшинства, которые не только никогда не увлекались ревизионизмом, но которые, наоборот, всегда принадлежали к числу самых энергичных и способных его противников. Я говорил, что интересы нашего дела, — *т. е. того же ортодоксального марксизма*, — требуют, чтобы мы не отталкивали от себя *ни бывших экономистов, ни нынешнее наше «меньшинство»*. И я не перестану говорить это до тех пор, пока не замолкнут голоса не по разуму усердных ревнителей «ортодоксии», обвиняющих их в ересь и кричащих: «распни их! распни!»

В самом деле, посмотрите на «меньшинство». По вопросам *программы* оно стоит на одной с нами теоретической позиции. Даже гораздо более: его вожаки, — т. т. Старовер⁵, П. Аксельрод, В. Засулич, Л. Мартов, — принимали самое деятельное и плодотворное участие в *вы-*

работке и защите нашей программы. По основным вопросам тактики они явились даже главными выразителями взглядов (надеюсь, ортодоксальных?) нашей партии, потому что ими предложена была наибольшая часть тех решений, которые наш второй съезд принял даже без прений. Правда, до тактических вопросов очередь дошла лишь в последний день съезда, т. е. когда уже и некогда было о них спорить. Но если бы мы и не были вынуждены спешить, то все-таки мы без проволочек приняли бы предложенные меньшинством проекты решений, может быть, сделав в них некоторые, совершенно несущественные поправки преимущественно стилистического свойства: так хорошо выражали эти проекты тактические воззрения, которые мы излагали и защищали в «Заре»⁶ и в «Искре». Некоторые отмечают, что проект решения, предложенного мною по вопросу о либералах, не похож на проект, предложенный т. Старовером. Но, во-первых, за проект Старовера голосовало чуть не все «большинство» съезда, и, следовательно, если он содержал в себе что-нибудь еретическое, то в ереси повинны многие «твердые» искровцы; а во-вторых, и ереси-то в нем ровно никакой не откроешь никаким реактивом. Я сам сделал на съезде несколько частных замечаний по его поводу. Но мне и не снилось, что эти мои частные замечания могут быть истолкованы в смысле обвинения т. Старовера в склонности к ревизионизму. В таком истолковании опять слишком много уже знакомого нам *усердия не по разуму.*

Заговорив о «меньшинстве», я считаю полезным объяснить здесь, как надо понимать тот упрек, который я делал ему по поводу первого параграфа нашего устава. На съезде я сказал, что этот параграф, в том виде, в каком его предложил т. Мартов и в каком он был принят, открывает дверь для вторжения в нашу партию разных оппортунистических элементов. Чтобы устранить эту опасность, говорил я, надо принять ту его формулировку, которую отстаивает т. Ленин. Я и теперь продолжаю думать, что ленинская формулировка была удачнее. Но ведь это — частность, на основании которой архинелепо было бы делить наших товарищей на козлищ и овец, на непримиримых и умеренных. И замечательнее всего то, что многие из тех, которых теперь можно назвать не только «твердыми», а прямо «твердокаменными», и которые готовы со свету сжить все слишком «мягкое», по их мнению, «меньшинство», *сами голосовали за мартов-*

скую формулировку. Надо надеяться, что они хоть самих-то себя не подозревают, на этом основании, ни в «мягкости», ни в оппортунизме.

«Ина слава луне, ина слава солнцу». Иное дело частный вопрос о том или другом параграфе устава, а иное дело тот общий вопрос, из-за которого спорят и борются между собою, во всех странах цивилизованного мира, ревизионисты с ортодоксами. На том основании, что я с большим одобрением отнесся бы к исключению из списков социал-демократии господина Бернштейна, отрицающего все основы революционного социализма, вовсе еще не следует, что я должен враждовать с т. Мартовым, предложившим свою формулировку первого параграфа. Господин Бернштейн — неисправимый ревизионист, и мы обязаны до конца бороться с ним в интересах пролетариата; а т. Мартов — непримиримый враг ревизионизма, ортодокс чистейшей воды, и мы обязаны идти с ним рука об руку и плечо с плечом в интересах того же самого класса. По отношению к господину Бернштейну надо быть *как можно более неуступчивым*, а по отношению к товарищу Мартову надо быть *уступчивым как можно более*. Неужели все это не просто? Неужели все это не ясно? Неужели все это не понятно само собою?

Все это и просто, и ясно, и понятно само собою, только — увы! — не для всех и не для каждого. Уметь быть уступчивым *в частностях* ради интересов *общего и целого* необходимо. Но быть уступчивым в частностях сумеет только тот, у кого голова наполнена не одними только частностями и кто способен возвыситься до понимания общих интересов движения. А у кого весь кругозор имеет не больше полувершка в поперечнике, для того мелочи — все, и ~~тот~~ из-за мелочей с легким сердцем пойдет на все. У Щедрина где-то фигурирует какой-то советник Иванов, который был так мал ростом, что решительно «не мог вместить ничего пространного». Такие Ивановы имеются, к сожалению, и у нас. И нашей партии подчас плохо приходится от этой низкорослой породы людей. Не то, чтобы они отличались косностью и консерватизмом. Напротив, они очень подвижны и изменчивы, «как в поле ветерок». Сегодня они идут с *«экономистами»*, а завтра всем *«собором»* переключиваются на сторону *«политиков»*; сегодня они и слушать не хотят тех, которые говорят им о необходимости организации, а завтра они слышать не хотят ни о чем, кроме организации; сегодня они решают

организационные вопросы по принципу «*демократизма*», а завтра они становятся отчаянными *централистами*. Но с кем бы они ни шли, что бы ни защищалось ими и чем бы они ни увлекались, — в своем умственном развитии они никогда не делают ни одного шага вперед, а их головы всегда остаются решительно не доступными ни для чего «*пространного*». Они хотят вести рабочий класс, а сами неспособны без поводыря перейти даже от одной своей смешной крайности к другой. Их не покидает мучительное сознание этой неспособности, и, нули, стремящиеся поскорее пристать к какой-нибудь единице, они, подобно крыловским лягушкам, просившим себе царя, старательно ищут себе «*вождя*», и когда им удастся обрести такового, — а от времени до времени всегда находится какой-нибудь кривой, достойный чести водить этих *слепорожденных*, — они воображают, что пришел Мессия, и на тот или другой лад, под тем или другим предлогом, под тем или другим названием требуют для него *диктатуры*. Я сподобился видеть уже не одного такого Мессию и боюсь, что в будущем мне предстоит еще не один раз испытать это несказанное удовольствие.

Нашим советникам Ивановым ничего не стоило бы разорвать нашу партию по той простой причине, что понятие о партийном единстве тоже представляет собою «*пространное*» понятие, а их головы, как мы уже знаем, ничего «*пространного*» отнюдь не вмещают.

Если бы судьбы российской социал-демократии зависели от этих вечных недорослей, то она никогда не сделалась бы серьезной общественной силой. Но, к счастью, в ней есть много других, *сознательных*, элементов; иначе она и не была бы выразительницей самых передовых стремлений своего времени. Эти сознательные элементы не дадут восторжествовать советникам Ивановым; они отстают единство и честь нашей партии.

Но вернемся к «*представителям*». Кроме моего отношения к «*меньшинству*», их смущает также мое отношение к нашим бывшим «*экономистам*».

Когда «*экономисты*» преобладали в нашей партии и когда на их стороне были — как это само собою разумеется — все советники Ивановы, я жестоко воевал с ними. Они не сомневались тогда, что они будут победителями. Вышло не так: они оказались побежденными, и теперь мне приходится защищать их подчас от тех самых советников Ивановых, которые, прежде стоя в их рядах,

обвиняли меня в ереси за мое отрицательное отношение к «экономизму», на все голоса крича, что я бланкист, «народоволец». Теперь советники Ивановы переменили фронт и во что бы то ни стало хотят «раскассировать» своих бывших учителей и союзников, меня же обвиняют в «экономизме». Я не считаю нужным защищать здесь самого себя, но о бывших наших «экономистах» скажу, что раз они увидели свою ошибку и поправили ее, *отказавшись от ревизионизма*, которому они одно время, *по недоразумению*, сочувствовали, то мы были бы *клеветниками*, если бы продолжали называть их ревизионистами. Раз они признали нашу программу, они — наши единомышленники, и тот, кто вздумал бы третировать их как неполноправных членов партии, поступил бы в высшей степени несправедливо и страшно нерасчетливо. У нас — революционных социал-демократов — так много настоящих, непримиримых и неисправимых врагов, что с нашей стороны было бы безумием искусственно создавать себе неприятелей, отталкивая от себя тех, которые вместе с нами стоят на точке зрения революционного пролетариата. Отталкивая их, мы ослабляем свои собственные силы и тем самым относительно увеличиваем силы наших врагов, — *тех, которые боролись и борются с нами не по недоразумению, а повинаясь безошибочному классовому инстинкту*. Отталкивая бывших «экономистов», мы действуем, стало быть, *во вред* той революционной социал-демократии, которую мы хотим защищать, и *на пользу* тому оппортунизму, с которым мы хотим сражаться: мы идем в одну комнату, а попадаем в другую. Какой промах может быть смешнее этого? Какое положение может быть более жалким?

Мне не хотелось бы, чтобы советники Ивановы, гремящие теперь против бывших «экономистов», имели хоть какой-нибудь повод к ложному истолкованию моих слов. Поэтому оговорюсь.

Я утверждаю, что на пользу оппортунизма, — более того, на пользу консервативной буржуазии и полицейского участка, — работают теперь те наши малоумные ревнителы «твердости», которые с легким сердцем готовы отрывать от нашей партии одну категорию товарищей за другою, вроде того, как отрывают листик за листиком от артишока. Но прошу заметить: *я совсем не говорю, что они сознательно делают это*. Они просто-напросто не ведают, что творят. Пока продолжалась наша борьба

с «экономизмом», они заучили слова: оппортунизм, ревизионизм, бернштейнианство, и теперь кидают эти слова совершенно некстати, не разбирая, в кого и по поводу чего они их кидают, не понимая, что обстоятельства изменились, и даже обвиняя в оппортунизме всякого, указывающего им на перемену обстоятельств. Представьте себе, что у вас висит в клетке попугай, в присутствии которого вы, видя, что идет дождь, восклицаете: «скверная погода!» Ненастье продолжается день, другой, третий, тянется так долго, что попугай запоминает, наконец, ваше восклицание и каждое утро вместе с вами повторяет: «скверная погода!» Но вот ненастье кончилось, небо очистилось, засияло солнце, вы говорите: «наконец-то хорошо стало!», а ваш пернатый сожитель по-прежнему кричит: «скверная погода!» и укоризненно смотрит на вас своими круглыми глазами, как бы обвиняя вас в оппортунизме. Что с ним делать? Со временем он, конечно, научится говорить: «наконец-то хорошо стало!» Но, может быть, он научится этому лишь тогда, когда опять наступит ненастье, а кроме того, ведь до тех пор он не перестанет надоедать вам неуместным возгласом: «скверная погода!» и нелепым подозрением вас в оппортунизме. Подите-ка, переспорьте попугая!

Латинская пословица говорит: «что прилично Юпитеру, то неприлично волу», а я скажу: что прилично попугаю, то неприлично «искровцу», хотя бы он по своей «твердости» принадлежал даже к числу советников Ивановых. Наш второй съезд был полным торжеством ортодоксального марксизма; против ортодоксального марксизма говорил на нем разве только какой-нибудь Акимов⁷, но Акимов никому не страшен, им не испугаешь теперь даже воробьев на огороде. Мы должны воспользоваться своей победой, а нам предлагают следовать такой политике, благодаря которой в наших собственных рядах — в рядах «ортодоксов», — рождаются и множатся несогласия и раздоры, и наше намерение «построить партию» грозит окончиться такой же жалкой неудачей, какой окончилась известная попытка построить башню до небес. Это не торжество победителей, это смятение, царствующее обыкновенно лишь в рядах побежденных. И виновники этого нелепого смятения мнят себя *организаторами*! Нет, если у них и есть какой-нибудь талант, то талант *чисто отрицательного, дезорганизаторского* свойства.

«Представители» ужимские, среднеуральские и пр. изображают дело так, как будто «экономисты», до сих пор не отказавшиеся от сочувствия ревизионизму и желающие всякого вреда революционной социал-демократии, повлияли на литературных представителей «меньшинства»: Аксельрода, Мартова, В. Засулич и т. д., — а те в свою очередь испортили меня, ввергнув меня в пучину некогда ненавистного мне оппортунизма. И что всего интереснее, — эта адски-коварная интрига осуществилась еще до того, как я произвел всем известную кооптацию, так как статья «Чего не делать» появилась еще в то время, когда я был единоличным редактором «Искры». С помощью этого объяснения нетрудно выставить в надлежащем свете и самый акт кооптации: она сама есть продукт так наглядно изображенной «представителями» интриги. Это очень ловко и удобно, жаль только, что такое объяснение слишком напоминает знаменитые объяснения «Московских Ведомостей», всюду видящих «польскую интригу». Кто умеет скептически относиться к «польской интриге», тот, разумеется, недоверчиво отнесется и к болтовне о будто бы сгубившей меня «экономической» интриге: он просто посмеется над этой «неистойвой» болтовней.

В заметке, напечатанной в № 63 «Искры», я обратил внимание «представителей» на то обстоятельство, что их рассуждения о разных революционных движениях в Западной Европе обнаруживают самое безотрадное знакомство с историей этих движений. Здесь я не буду касаться этой слабой стороны их, — если позволительно здесь так выразиться, — миросозерцания, а поговорю об их *организационных взглядах*. Ведь это теперь главное.

«И комитеты, и отдельные члены партии могут получать очень широкие полномочия, но это должно зависеть от Центрального Комитета. Центральный Комитет может, и наоборот, если найдет нужным и полезным, своей властью раскассировать комитет или другую организацию, он может лишить того или другого члена партии его прав. Иначе нельзя успешно организовать дело пролетарской борьбы».

Этими словами «представители» выражают всю сущность своих организационных взглядов. И не только своих. Я уверен, что с ними согласятся почти все сторонники «большинства», а сам ЦК не раз выражал свою уверенность в том, что ему принадлежит, в интересах

«пролетарской борьбы», неограниченное право «раскассировывать» человекoв.

Именно это право и отказывается признать за ним «меньшинство» нашей партии. Основательна ли претензия ЦК? Мы сейчас увидим.

Вообразите, что за Центральным Комитетом всеми нами признано пока еще спорное право «раскассирования». Тогда происходит вот что. Ввиду приближения съезда, ЦК всюду «раскассировывает» все недовольные им элементы, всюду сажает своих креатур и, наполнив этими креатурами все комитеты, без труда обеспечивает себе вполне покорное большинство на съезде. Съезд, составленный из креатур ЦК, дружно кричит ему «ура!», одобряет все его удачные и неудачные действия и рукоплещет всем его планам и начинаниям. Тогда у нас, действительно, не будет в партии ни большинства, ни меньшинства, потому что тогда у нас осуществится идеал персидского шаха. Щедрин говорит, что когда Мак-Магонша спросила у этого повелителя «твердых» магометан, издавна пользующихся правом «раскассирования», какая из европейских стран нравится ему больше всех остальных, он, не колеблясь, ответил: «Россия» — и тотчас же кратко пояснил свою мысль: «*jamais politique, toujours hourrah! et puis*⁸ фюнты!». У нас тогда будет как раз это самое: «*jamais politique, toujours hourrah! et puis...* раскассирование...»

«Представители» называют это централизмом. Полноте, советники! Это просто-напросто была бы мертвая петля, туго затянутая на шее нашей партии, это — *бонапартизм*, если не абсолютная монархия старой, дореволюционной «манеры». Вы воображаете, что такой *будто бы «централизм»* необходим для дела пролетарской борьбы, а я говорю вам, что он не имеет ровно ничего общего с пролетарской борьбой и что самое возникновение мысли о нем в головах русских социал-демократов показывает, что наша партия, к сожалению, еще не вышла из своего детского периода. Такой централизм, наверное, понравился бы покойному Сергею Нечаеву⁹, но он ни в каком случае не может встретить себе одобрения со стороны ортодоксального марксиста, сохранившего обладание своими умственными способностями.

«Представители» продолжают: «Подготовка пролетариата к диктатуре — такая важная организационная задача, что ей должны быть подчинены все прочие. Под-

готовка состоит, между прочим, в *создании настроения в пользу сильной, властной пролетарской организации*, в выяснении всего значения ее. Можно возразить, что *диктаторы* являлись и являются сами собой. Но так не всегда было, и не стихийно, не оппортунистически должно быть в пролетарской партии. Здесь должны сочетаться высшая степень сознательности с беспрекословным повиновением; одна вызывать должна другое». (В примечании они прибавляют: сознание необходимости есть свобода воли.)

Философское примечание насчет *свободы воли* есть чистокровнейшая галиматья, которая показывает одно: что советникам Ивановым никогда не следует пускаться в философию. А насчет *диктатуры* я замечу «представителям», что *они, очевидно, смешивают диктатуру пролетариата с диктатурой над пролетариатом*. Впрочем, нет, даже и это неточно. В их бонапартистском плане «централистической» организации вообще нет места делу пролетариата: он выкроен по маленькому росту «интеллигентских» заговоров *допролетарского периода*; он представляет собою лишь новое издание нечаевской диктатуры*.

«Конечно, — продолжают «представители», — Центральный Комитет нам представляется как коллегия самых опытных, самых энергичных, самых закаленных борцов, самых умных и испытанных последователей идей революционного социализма; им, поэтому, можно и должно разрешить вникнуть в каждую мелочь дела, им можно и должно разрешить давать широчайшие полномочия».

Коллегия борцов самых опытных и самых умных! Да что вы, советники, над кем вы смеетесь? Какой же опытный и умный человек захотел бы войти в такую коллегия, которая — согласно вашему плану — представляла бы собою не более как преступное покушение на жизнь Российской Социал-Демократической Рабочей Партии? *В такую коллегия захотели бы войти только ограниченные честолюбцы*. Честолюбцы — потому что они решились бы из интересов партии сделать пьедестал для сво-

* Недаром в умах «представителей» понятие «революционная социал-демократия» покрывается понятием «интеллигенция». Это совсем не простая описка, как говорят теперь их, стыдящиеся за них, защитники. И свою изумительную «диктатуру» они готовы преподнести, как важное открытие, западному пролетариату. Вот так комики. Нечего сказать, отличились!

его личного тщеславия. Ограниченные — потому что они не понимали бы, до какой степени низок, хрупок и жалок такой пьедестал. Нет, если бы наша партия в самом деле наградила себя такой организацией, то в ее рядах очень скоро не осталось бы места ни для умных людей, ни для закаленных борцов: в ней остались бы лишь лягушки, получившие, наконец, желанного царя, да *Центральный Журавль*, беспрепятственно глотающий этих лягушек одну за другой. *Jamais politique, toujours hurrah! et puis...* прощай, бедные, неразумные лягушки!

«Представители» убеждены, что меня испортили экономисты и что я вследствие этого сделался слишком уступчив. Меня так часто обвиняли в неуступчивости, что мне очень приятно приобрести репутацию уступчивого человека. Но под страхом утраты этой, только что приобретенной мною репутации я скажу «представителям», что в этом вопросе я буду неуступчив до конца*. Я — *централист, но не бонапартист*. Я стою за создание сильной централистической организации, но я не хочу, чтобы центр нашей партии съел всю партию, подобно тому, как тощие фараоновы коровы съели жирных. И по моему глубокому убеждению, никто из рассудительных социал-демократов не имеет никакого права быть уступчивым в этом вопросе, потому что этот вопрос касается самого существования нашей партии, как партии сознательного, растущего и развивающегося пролетариата.

Уступить здесь могут и должны лишь те, которые выставляют и защищают претензии, подобные только что рассмотренным. *Этим* людям пора, давно пора, склониться к уступкам, потому что уже много, слишком много вреда принесли они всему нашему движению, всему делу освободительной борьбы в России!

Расставаясь пока с «представителями», я очень хотел бы верить, что они не откажутся поразмыслить над тем, что я сказал. Понять это, право же, совсем не трудно. Надо только сделать маленькое усилие, как выражалась у Диккенса мисс Домби.

И пусть хорошенько запомнят это разные «представи-

* Я крайне сожалею о том, что на съезде Лиги я поддерживал некоторые требования ЦК, стоящие в близкой связи с организационным принципом, защищаемым «представителями». Тогда для меня еще не выяснился истинный характер этих требований. Я еще не знал, до чего может дойти наш эксцентричный комитет, и считал себя нравственно обязанным отстаивать его престиж,

тели»: указанный мною вопрос есть центральный пункт всех наших организационных споров. Как только он получит надлежащее разрешение, все остальные спорные пункты уладятся почти сами собой. Ведь ЦК потому и не желает кооптировать в свою среду товарищей из «меньшинства», что он опасается их противодействия нынешним его чудовищным и «смеха достойным» претензиям. Он превосходно знает, что «меньшинство» затем и хотело бы ввести в его среду своих представителей, чтобы попытаться остановить и образумить его, пока еще не поздно. Поэтому-то он и апеллирует против «меньшинства» к тому самому «Monsieur le Plebiscite», к которому так любил обращаться когда-то один не весьма хорошо кончивший император!

Плеханов Г. В. Соч. М., 1926. Т. 13. С. 81—93.

В ЗАЩИТУ «ПОДПОЛЬЯ»

Революционное подполье всегда было ненавистно реакционному надполью. Это вполне понятно. Ненавидя революционное подполье, реакционеры из надполья повиновались инстинкту самосохранения. Люди более или менее либерального образа мыслей некогда имели обыкновение любезно улыбаться при встречах с героями подполья; однако искренней любви они никогда к ним не питали. Скорее наоборот: они всегда недолюбливали их, испытывая по отношению к ним то чувство, которое Базаров в «Отцах и детях» Тургенева внушал дядюшке Кирсанову. Когда *борьба поколений* («отцов и детей») сменилась у нас более или менее ясно выраженной и более или менее сознательной *борьбой классов*, либеральные Кирсановы довольно быстро повернулись спиной к революционерам Базаровым и перестали скрывать свою нелюбовь к «подпольным» нравам этих последних. К ним тотчас же присоединились в этом случае всевозможные полусоциалисты, дорожащие легальностью больше всего на свете. В этом тоже нет ничего удивительного. Ни либеральные Кирсановы, ни полусоциалисты органически неспособны проникнуться тем революционным настроением, которое необходимо для того, чтобы пойти в подполье и вынести свойственные ему иногда поистине ужасные условия жизни и деятельности. Революционное настроение всегда казалось и кажется им признаком

политической неразвитости. Дипломатические переговоры с каким-нибудь Треповым¹ или обмен «парламентских» тостов с каким-нибудь д'Эстурнель-де-Констаном всегда представлялись и представляются им несравненно более надежным залогом торжества политической свободы, нежели «подпольная» деятельность революционеров. Но вот что странно: в последнее время у нас начинают глумиться над «подпольем» даже те, которые сами принадлежат или, по крайней мере, еще недавно принадлежали к числу его граждан. Один из органов «беззаглавных» политиков заметил однажды, что у нас существует теперь «подпольное» издание, поставившее себе целью доказать, что не нужно никакого «подполья». Больше того: та мысль, что даже революционеры могут и должны смеяться над революционным «подпольем», начинает приобретать у нас прочность предрассудка. Выражаясь так, я хочу сказать, что мысль эта распространяет теперь свое влияние даже на таких людей, которые усвоили ее, по-видимому, без всякой критики и никогда не задумывались над ее огромным отрицательным значением. Приведу маленький, но, по-моему, весьма характерный пример.

Несколько времени тому назад я получил «альманах», озаглавленный «Бывшие люди». Он составлен с несомненным знанием внутренних отношений нашего «подпольного» мира. Альманах осмеивает все идейные оттенки, все фракции и полуфракции нашей партии. И не только нашей. От него достается также социалистам-революционерам. И в этом нет ровно ничего дурного. Плохо рекомендуют себя те, которые не любят смеха. Недавно Фейербах говорил, что смехом человек отличается от животного. Эразм Роттердамский, Вольтер и наши «свистуны» 60-х годов оказали своим смехом незабвенные услуги делу прогресса. И все-таки надо помнить, что смех смеху рознь. Вольтер, защищавший веротерпимость, едко смеялся над поповским фанатизмом; но ему в голову не приходило смеяться над веротерпимостью. А если бы он прибавил насмешки над нею к своим насмешкам над диким поповским фанатизмом, он превратился бы из прогрессивного деятеля в простого зубоскала. То же, конечно, и с нашими «свистунами». Герцен очень ошибся, вообразив, будто они склонны насмехаться надо всем на свете. На самом деле они насмехались только над тем, что отжило свой век и загораживало дорогу про-

грессивным стремлениям времени. Человек, способный насмехаться над всем, лишен всякого положительного содержания и потому сам заслуживает злой насмешки. Достоин уважения только тот смех, который служит человеку оружием в борьбе за дорогие для него убеждения.

Дорожат ли какими-нибудь убеждениями издатели альманаха «Бывшие люди»? Мне это не известно, так как я лишен удовольствия знать этих издателей. Но мне очень жаль, что они имеют весьма ошибочный взгляд на революционное подполье. У них напечатана «Колыбельная песнь», автор которой, убаюкивая «подрастающего пролетарца», говорит, что этот последний с возрастом скоро сам поймет подпольный мир. А мир этот характеризуется в песне, например, таким образом:

Как обставишь от Урала
Съездовский мандат —
На тебя все генералы
Взоры обратят.
Твердокамен, как овечка,
И крепонек лбом,
К редакционному местечку
Доползешь ужом.

и т. д.

Стихи, как видите, из рук вон плохие. Усечение вроде «редакционного» свидетельствует о том, что автор песни очень слаб в версификации, а неуклюжий эпитет «твердокамен» в применении к овечке показывает, что слабый версификатор не весьма силен и по части логики: с каких же это пор овечки стали «твердокаменны»? Но дело не в том, что стихи эти из рук вон плохи, а в том, что эти плохие стихи заключают в себе до последней степени искаженное изображение «подпольного мира». Что в этом мире есть экземпляры, «доползающие ужом» к редакционным местечкам, это, к сожалению, неоспоримая истина. Справедливо и то, что там встречаются персонажи, о которых с полным правом можно сказать, что они крепоньки лбом. Но где же не встречаются такие персонажи? Ведь и в греческой армии, осаждавшей Трою, вместе с божественным Ахиллом и «великим Патроклом» участвовал также и «презрительный Терсит». Весь вопрос в том, только ли Терситы встречаются в революционном «подполье»? И они ли характеризуют собою «подпольный» мир?

К тому же надо иметь в виду еще и вот что. Если человек старается «проползти ужом», скажем, к местечку частного пристава, то он, очевидно, руководствуется инс-

тинктом хищничества. А если он «проползает» к месту редактора «подпольного» издания, то инстинкт хищничества в нем, очевидно, очень слаб: на этом местечке не разживешься. Чем же руководствуется человек, который, допустим, в самом деле «проползет ужом» к такому местечку? Ясно, что преимущественно тщеславием. Тщеславие — нечего и говорить, — огромный недостаток. Но чем же тщеславится в данном случае такой человек? Тем, что он занимает видное место в деле служения революционной идее. Выходит, что и Терситы бывают очень разные: *надпольные* — стремятся к наживе; *подпольные* — тщеславятся пользой, приносимой ими великому движению. Терсит, да не тот, — как бывает Федот, да не тот. Маркс, воевавший когда-то с недостатками деятелей германского революционного мира, справедливо замечает, однако, что мир этот все-таки стоит несравненно выше так называемого общества. Об этом забывают у нас многие из тех, которые любят называть себя марксистами.

В одной из своих басен Крылов очень резко отзывается о критике, «который лишь имеет дар одно худое видеть». Я невольно вспомнил об этой критике, прочитав «Колыбельную песнь». Автор ее как будто и не подозревает того, что наше революционное «подполье» имеет чрезвычайно светлые стороны.

Наша мачеха-история издавна загоняет в «подполье» огромное большинство тех благородных людей, которые не желают, по энергичному выражению Рылеева, «позорить гражданина сан». И именно потому, что она загоняет в него огромное большинство таких людей, оно издавна играет чрезвычайно благотворную роль в истории умственного развития России. А в последнюю четверть века его благотворное влияние очень явственно сказалось также и в нашей практической жизни.

Возьмем хотя бы эпоху 60-х годов. В революционном «подполье» и тогда встречались, разумеется, весьма некрасивые представители человеческой породы: где есть люди, там дело никогда не обходится и без человеческих слабостей. Но в революционное «подполье» спускался по временам М. И. Михайлов², из революционного «подполья» раздавался могучий звук герценовского «Колокола». Кто не вспомнит об этом, говоря о революционном «подполье» 60-х годов, того по всей справедливости нужно будет признать критиком, имеющим «дар одно худое видеть».

Но «подпольной» печати 60-х годов все-таки свойственна та особенность, что она, говоря вообще, еще не определила левого крыла легальной печати и даже отчасти отставала от него. При всем уважении к огромному таланту и блестящей публицистической деятельности издателя «Колокола», нельзя не признать, что Чернышевский и Добролюбов ушли дальше его в своем *легальном* «Современнике». В 70-х годах дело приобретает другой оборот: нелегальная печать опережает легальную. Если вы хотите убедиться в этом, то сравните легальное народничество того времени с нелегальным: вы без труда увидите, насколько первое уступало второму в смелости, последовательности и ясности мысли. Когда критика жизни свела к нулю наше нелегальное народничество, тогда наши легальные народники стали путаться в самых жалких и плоских противоречиях, а некоторые из них, — например, уже покойный теперь, хотя все еще, слава богу, здравствующий г. В. В., — сделали настоящими, правда непоследовательными, реакционерами. Это также должен помнить всякий критик, не желающий уподобиться крыловскому.

А 80-е и 90-е годы? В первой половине 80-х годов только что появившиеся тогда русские социал-демократы ведут с народовольцами жаркий спор по вопросу о том, может или не может Россия миновать капитализм. Спор этот ведется в «*подпольной*» печати. В легальную печать он проникает лишь 10 лет спустя. Это означает, что легальная печать отстала тогда от нелегальной на целое десятилетие. Другими словами, это показывает, что «подпольный мир» пролагал тогда дорогу русской общественно-политической мысли. Тому, кто претендует на знание этого мира, непременно должно быть известно это обстоятельство.

Вспомните, наконец, о десятилетии, непосредственно предшествовавшем взрыву 1905—1906 годов. В идейном отношении десятилетие это можно назвать эпохой все более и более сильного расслоения марксизма, окончательно восторжествовавшего тогда над народничеством. В марксизме появляются два течения: одно «критикует» Маркса; другое отстаивает «ортодоксию». Первое склоняется к легализму, хотя и не имеет возможности вполне избежать «нелегалщины» (газета П. Струве «Освобождение» и союз «Освобождение»³); второе скоро оказывается вынужденным почти всецело уйти в «подполье». Ка-

кое же из этих двух направлений выражало более передовые общественные стремления? Ответить нетрудно. Достаточно сказать, что склонные к легализму «критики» Маркса не замедлили превратиться в идеологов более или менее, — *и скорее менее, чем более*, — передовой буржуазии, между тем как нелегальные «ортодоксы» явились идеологами революционного пролетариата.

Во всей Европе нет, кроме Польши, другой страны, в которой революционное «подполье» сыграло бы такую же важную *идейную* роль, какая выпала ему на долю в России. И мы позабудем об этом, мы станем изображать подполье чем-то вроде новой разновидности темного царства, средой ограниченности и карьеризма, не способной привлечь к себе никого, кроме «крепоньких лбом» овечек и «ужей», ползущих к «редакционным» местам? Нет, это не достойно революционеров! Пусть поступают так критики, имеющие «дар лишь одно худое видеть».

Белинский спрашивал когда-то, обращаясь к неразумным хулителям философии: «Почтеннейшие, за что такая ненависть к философии? Или хорош виноград, да зелен — набьешь оскомину? Перестаньте подрывать у дуба корни, поднимите ваши глазки вверх, если только вы можете поднимать их вверх, и узнайте, что на этом-то дубе растут ваши желуди...»

Подобно этому можно спросить теперь: «За что такая ненависть к революционному «подполью»? Или хорош виноград, да зелен — набьешь оскомину?» И это в самом деле так. На революционное «подполье» очень нередко нападают теперь именно те, которые просто-напросто не способны к революционной деятельности: они устали, им хочется отдохнуть, им уже не по силам тяжелое и беспрерывное подвижничество самоотверженных деятелей «подполья», они спешат превратиться в мирных обывателей, и вот они подрывают корни того дуба, желудями которого они сами некогда питались; и вот они бегут из «подполья», стараясь уверить себя и других, что их бегство из него есть не измена делу, а лишь постановка его на более широкую основу. Но, смеясь над революционным «подпольем», эти несчастные на самом деле смеются лишь над самими собой.

Прошу заметить, что я отнюдь не причисляю к этим несчастным автора вышеназванной «Колыбельной песни». Кажется, он виноват только тем, что без собственного ведома поддался очень распространенному теперь на-

строению. Притом же его «Колыбельная песнь» до такой степени слаба, что о ней решительно не стоило бы говорить, если бы характерное для нее отношение к подполью не было печальным знамением «текущего момента». В некоторых кругах нападки на «подполье» считаются теперь признаком хорошего политического тона. Вот почему пора восстать против этого настроения, пора показать, что в этом тоне нет ровно ничего хорошего, пора крикнуть господам, осмеивающим нынешние попытки революционеров воскресить «подпольные» организации:

Над чем смеяться вздумали, глупцы!
Опошлить чувство вздумали какое!

В только что полученном мною № 53 «Речи» я прочел заметку «Сенат о народно-социалистической партии», показывающую, что — как этого и следовало, впрочем, ожидать, — даже эта кроткая из кротких партии не может добиться своей легализации при нынешнем режиме. Тем менее шансов на это у социал-демократии, т. е. у партии революционного пролетариата. Чхеидзе прекрасно сказал в Государственной Думе (заседание 20 февраля), что мы переживаем время, когда сильнее, чем когда бы то ни было, организуются и мобилизуются темные силы реакции. Эти темные силы лишают пролетариат огня и воды, и если сознательные элементы нашего рабочего класса хотят дать им хоть некоторый отпор, они должны *идти* в «подполье».

Говорят, что область подпольной деятельности до последней степени узка, что в ней негде развернуться, нельзя найти простор для большого политического таланта. И я, разумеется, прекрасно понимаю, что удобнее заниматься социал-демократической агитацией во Франции, Англии, Бельгии и даже Германии и Австрии, нежели в России. Но и тут точно так же, как в вопросе об историческом развитии нашей *общественной мысли*, необходимо помнить, что те же политические условия, которые до крайности стеснили *практическую деятельность* российского социал-демократа, придали ей огромное значение, чрезвычайно увеличив ее удельный вес. И тут никогда не следует забывать, что ни в одной стране цивилизованного мира революционное «подполье» не играло такой колоссальной практической роли (даже в чисто культурной области), какую оно сыграло в России. Опираясь на теорию научного социализма, наше социал-де-

мократическое «подполье» сумело произнести «магические слова, открывшие перед ним образ будущего»; оно вывело трудящуюся массу из ее вековой спячки; оно разбудило классовое сознание пролетариата, и если — чтобы употребить здесь пророческое выражение Петра Алексеева⁴, — мускулистая рука рабочего нанесла уже не один страшный удар существующему у нас порядку вещей, то и это нужно в значительной степени записать в актив того же «подполья». Ведь недаром же рабочие чуть не при каждом своем столкновении с предпринимателями старались войти в сношения с «подпольными» деятелями. И недаром даже крестьяне, собираясь воевать с помещиками, разыскивали революционных «орателей» (т. е. ораторов).

Гегель говорит на своем языке идеалиста, что всемирный дух в своем историческом движении часто опускается под землю (вот оно историческое «подполье» всемирного духа!), где совершает мелкую и незаметную работу, результаты которой бывают, однако, колоссальные. И при виде этих результатов можно крикнуть всемирному духу, как крикнул Гамлет тени своего отца: «Крот! ты хорошо роешь!» Поймите же вы, наконец, господа хорошие, что наш подпольный человек тоже заслуживает, чтобы мы ему громко крикнули: «Крот! ты хорошо роешь!»

По русской пословице, суженого конем не объедешь. При современных условиях нашей практической деятельности «подполья» конем не объедет ни один социал-демократ, не желающий увязнуть в трясине самого гнилого оппортунизма.

Да здравствует наш «подпольный крот»! Да растут и крепнут наши «подпольные» организации! Докажем, что ошибаются господа Гучковы⁵, злорадно возвещающие в Государственной Думе «о том внутреннем разложении, которое охватило наши революционные партии»!

Плеханов Г. В. Соч. М., 1927. Т. 19. С. 129—136.

НАШЕ ПОЛОЖЕНИЕ

I

Говоря: «наше положение», я хочу сказать: «положение Российской Социал-Демократической Партии». По-

ложение это теперь не из самых завидных. Мы сделали бы себя смешными в глазах всех рассудительных людей, если бы вздумали отрицать это, если бы захотели доказать, что у нас все обстоит благополучно. Нет, надо говорить правду: наша партия очень далека от благополучия. В этом согласны между собой все — не только нынешние, но и бывшие — ее члены. Горячие разногласия возникают в их среде только тогда, когда речь заходит о том, как же нам выйти из неблагоприятного положения и, по возможности, приблизиться к благополучию. Что нам нужно прежде всего?

Посмотрим, чем вызывается неудовлетворительное положение нашей партии.

Многими причинами. Я должен был бы написать целую брошюру, если бы захотел заняться подробным их рассмотрением. Но этого и не нужно. Для моей цели достаточно ознакомиться с некоторыми из них.

И прежде всего я обращаюсь к господствующей реакции. Реакция эта, несомненно, плохо отзывается на положении нашей партии. Но есть реакция и реакция. Во времена позорной памяти Плеве¹ мы тоже немало страдали от реакции. Однако тогда наши силы увеличивались, наши средства умножались, наша организация росла и крепла, наши надежды на близкую победу упрочивались с каждым днем. Теперь не то. Теперь наша организация расшатана, наши силы ослабели, приток средств уменьшился, и некоторые из нас стали думать, что нашей партии вообще не суждена победа. Дело дошло до того, что иные доброжелатели ее, — например, гг. Изгоев², Потресов и им подобные, — прямо отрицают ее существование, как организованного целого.

Откуда же эта разница? Отчего же в эпоху Плеве реакция, стремясь ослабить наши силы, только увеличивала их, между тем как теперь ей в самом деле удалось поставить нас в затруднительное положение?

Оттого, что в эпоху Плеве она проникала собою одни только «правлящие сферы», а теперь ее влиянию подчинилось, можно сказать, все население нашей страны, и между прочим, и пролетариат.

Возьмем пример. Наши профессиональные союзы живут теперь тоже не совсем благополучно. Их силы тоже слабеют; их кассы тоже пустеют; их надежды тоже падают. И это не только потому, что их всеми мерами ду-

шит «конституционное» правительство П. Столыпина³. Правительство правительством, а очень многое зависит здесь от теперешнего настроения нашего рабочего класса, т. е. от той общей усталости, от того упадка энергии, от того равнодушия к своему собственному делу, на которые так горько жалуются теперь все знатоки нашего профессионального движения.

Другим примером могут служить наши рабочие потребительные товарищества. Они тоже далеки от процветания, и тоже не только потому, что их не любит полиция.

Влияние реакции распространилось теперь на все население нашей страны. Иначе и быть не могло после того, что было пережито им в 1905—1907 гг. В истории всегда так бывает: периоды *акции* сменяются периодами *реакции*; периоды *подъема* общественного настроения — периодами его *упадка*. Охваченные упадочным настроением, даже сознательные рабочие не проявляют теперь и десятой доли той энергии, которая была свойственна им не далее как несколько лет тому назад. Если бы наш пролетариат был настроен иначе, то он с несравненно большей легкостью обходил бы расставленные на его пути полицейские законы и рогатки.

Сказанного достаточно для того, чтобы объяснить в общих чертах неудовлетворительное состояние нашей партии, т. е. *политической* организации российского пролетариата. Если наше нынешнее положение характеризуется словом *неблагополучно*, то ясно, что оно станет благополучным только тогда, когда отойдет в область печальных воспоминаний упадочное настроение, овладевшее теперь нашим пролетариатом.

Когда это будет? Мы не знаем и знать не можем. Но мы знаем и не можем не знать, что это непременно будет. Мало того. Есть некоторые серьезные основания думать, что наше общественное настроение, — а прежде всего настроение нашего пролетариата, наиболее интересное для нас, социал-демократов, — уже начинает изменяться к лучшему. Мы вряд ли ошибемся, если скажем, что мы уже миновали самую низшую точку того упадка, который нам суждено было пережить, и теперь опять, — правда, еще очень медленно, — поднимаемся вверх. Если продолжится замечаемое теперь экономическое оживление, то настроение рабочего класса станет подниматься более бы-

стро. Продолжительный экономический застой очень сильно способствовал упадку этого настроения*.

Как бы то ни было, а несомненно то, что не от нас зависит устранить указанную мною общую причину неудовлетворительного состояния нашей партии: мы не можем ускорить и упрочить экономическое оживление; мы не обладаем таким талисманом, который позволил бы нам прогнать усталость, овладевшую нашим пролетариатом после бурных событий 1905—1907 гг. Тут нам остается лишь понять причинную связь явлений и, опираясь на ее понимание, не поддаваться унынию, так легко распространяющему свое вредное влияние в рядах политических деятелей в мрачные периоды упадка общественного настроения. Мы недаром называем себя марксистами, недаром держимся точки зрения научного социализма. *Материалистический взгляд* на общественную жизнь должен застраховать нас от *идеалистического «разочарования»*.

II

Но пока мы остаемся в партии, мы принимаем более или менее деятельное участие в ее жизни, а поскольку мы принимаем участие в ее жизни, постольку мы имеем возможность вести борьбу с вредными для нее *последствиями* переживаемого нами общественного упадка. Поэтому здесь наше *теоретическое понимание* должно быть дополнено *практическим действием*.

Между названными последствиями самым вредным является так называемое *ликвидаторство*. Против него и обязаны мы направить свои первые и главные усилия. Борьба с «ликвидаторством» означает борьбу за существование нашей партии. А какая же партия, какая организация не стремится, не должна стремиться отстоять свое существование?

Люди, не расположенные к борьбе с «ликвидаторством», нередко говорят: «да вы сначала определите, что такое ликвидаторство, а потом уже и боритесь с ним». Это напоминает известную басню Хемницера⁴ «Метафи-

* Его подъему сильно поможет и то, что западноевропейский пролетариат переживает теперь не период упадка, а период сильного подъема. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на Германию, и преимущественно на Пруссию.

зик». Человек очутился в яме, и когда его отец подает ему веревку, чтоб вытащить его оттуда, он спорит:

Нет, погоди тащить; скажи мне наперед,
Веревка вещь какая?

Отец возражает, что у него нет времени на подобные рассуждения, но метафизик не унимается. Он спрашивает:

А время что?

Тогда выведенный из терпения отец оставляет его на произвол судьбы:

А время вещь такая,
Которую с глупцом не стану я терять.
Сиди — сказал отец — пока приду опять.

Люди, ставящие вопрос о том, что такое ликвидатор, не похожи на метафизика в том смысле, что они пускаются в неуместные рассуждения не по недостатку ума, а по недостатку доброй воли. Но рассуждения их все-таки остаются неуместными, и мы сделали бы огромную ошибку, если бы позволили задержать нас ими. Мы не можем даже последовать примеру отца, оставившего своего великомудрого сына сидеть в яме. Сидя в ней, этот последний вредил *только самому себе*, а наши ликвидаторы вредят не себе, а *социал-демократической партии*. Поэтому мы не можем ограничиться презрительным отказом от неуместных рассуждений о сущности ликвидаторства. Мы обязаны дополнить свой презрительный отказ *энергичной борьбой* с ликвидаторами.

Разумеется, можно сказать, — язык-то ведь без костей, — что надо же нам знать, с кем именно мы должны бороться. Но это и есть софистика.

Если бы метафизик не знал, какие именно представления связываются у людей со словами «*веревка*» и «*время*», то его вопросы совсем не были бы неуместны. Они были неуместны именно потому, что он надоедал ими отцу, *несмотря на то, что у него были вполне достаточные, по своей определенности, представления и о времени, и о веревке*. Точно так же и люди, упорно вопрошающие нас: «А что такое ликвидатор?» — *достаточно осведомлены, о чем идет речь у врагов ликвидаторства*. И если не перестают вопрошать, то единственно потому, что они совсем не расположены поддерживать направленные против ликвидаторов действия.

С чисто литературной точки зрения слова «ликвидатор»

тор», «ликвидаторство» представляются такими же неудачными и некрасивыми, как и все «хвостизмы», «отзовизмы», «ультиматизмы», «голосизмы», «рабочедельства» и прочие неуклюжие выражения, в таком изобилии уснащающие наш партийный жаргон. Это неоспоримо. Тем не менее нужно быть совершенным новичком в нашей партийной жизни, чтобы не знать, кого называют у нас ликвидаторами. Да и новички очень скоро и очень хорошо разбираются в этом весьма простом вопросе*.

Вполне ясно, что *ликвидатором* должен быть признан тот, кто *ликвидирует* или, по крайней мере, *стремится к ликвидации*. Не менее ясно и то, что человек, оказавший ликвидатору ту или другую, более или менее деятельную, поддержку, тоже может быть назван, в известном смысле, *ликвидатором*. Наконец, нет необходимости быть Соломоном⁵ премудрым для того, чтобы догадаться, что «*ликвидация*» и *упразднение, уничтожение, сведение на нет* — в конце концов одно и то же. Все знают, что значит свести на нет, упразднить, уничтожить. Распространяться об этом бесполезно, но, когда заходит речь о ликвидаторах и ликвидации, полезно и даже необходимо *столковаться насчет того, что собственно ликвидируют или собираются ликвидировать*.

Когда я говорю, что в настоящее время вы обязаны направить свои первые и главные усилия на борьбу с ликвидаторами, я имею в виду совершенно определенный разряд ликвидаторов: тех — и только тех, — которые хотят *ликвидировать нашу партию*. Никакие другие ликвидаторы меня не интересуют и, полагаю, никогда интересоваться не будут.

III

Замечательно, что люди, пристающие к нам с неуместным вопросом: «*А ликвидатор вещь какая?*» — всегда забывают спросить: «*О ликвидации чего собственно идет дело?*» Отнюдь не желая читать в сердцах этих людей,

* Как это видно из брошюры Череванина «Лондонский съезд РСДРП 1907 г.», слово *ликвидаторство* употреблялось в среде меньшевиков уже в 1907 г. Но тогда никто не спрашивал, что оно значит: все понимали его и без объяснения. А теперь перестали понимать. Почему? Потому что *ликвидаторство значительно усилилось у нас со времени нашего Лондонского съезда*.

я не могу, однако, не видеть, что такая забывчивость очень полезна для наших ликвидаторов. Она помогает им увертываться от тех, от кого им надо увернуться.

Мне часто приходилось выслушивать такое возражение: «Я не ликвидатор, так как, хотя я и не признаю существования той социал-демократической партии, с которой мы имели дело до сих пор, но я не отрицаю того, что российскому пролетариату нужна социал-демократическая партия».

Это опять софизм. Можно быть ликвидатором по отношению к одной организации, совсем не будучи таковым по отношению к другой. Человек, ликвидирующий дела данной торговой или промышленной компании, — выражение «ликвидация» заимствовано именно из торгово-промышленного словаря, — конечно, еще не становится от этого ликвидатором вообще, ликвидатором всех компаний, существующих теперь или имеющих возникнуть в будущем. Подобно этому, и человек, стремящийся ликвидировать нынешнюю нашу социал-демократическую партию, еще не становится от этого ликвидатором всех вообще социал-демократических партий настоящего и будущего времени. Однако это ни на волос не изменяет его отношения к той партии, к которой мы имеем честь принадлежать: к Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Ведь по отношению к ней-то он все-таки — ликвидатор. И этого достаточно для того, чтобы против него ополчились все, кому дорого ее существование. Повторяю, какая партия, какая организация не восстанет, не должна восставать против людей, пытающихся ее уничтожить?

В нашей партии далеко не все обстоит благополучно. Это так. Мы должны устранить недостатки ее организации, исправить ее тактические ошибки. Этого также никто не оспаривает. Но одно дело устранять недостатки и исправлять ошибки, а иное дело ликвидировать. Кто ликвидирует, тот не исправляет, а уничтожает. А так как мы не можем желать уничтожения своей собственной партии, то мы не можем не бороться с ликвидаторами.

Мир внутри партии прекрасное дело. Но есть пределы и для миролюбия. За этими пределами миролюбие становится вредным для партии и потому достойным осуждения. Если вы хотите *жить*, то вам нельзя оставаться в мире человеком, поставившим себе целью

убить вас. И точно так же, если вы хотите, чтобы ваша партия продолжала существовать, вы не можете мириться с людьми, желающими ее ликвидировать. Тут надо выбрать одно из двух: *или* приверженность к партии, *или* мир с ликвидаторами. *Третьего тут быть не может.*

Говорят: события 1905—1907 гг. сделали то, что мы уже не можем вернуться в подполье. Это теперь едва ли не главный довод ликвидаторов. Но события 1905—1907 гг. пока еще не дали нам возможности выступить в качестве *открытой политической партии*. А пока у нас нет этой возможности, мы *вынуждены* идти в «подполье», если... *если мы не хотим ликвидировать себя, как политических деятелей социал-демократического образа мыслей.*

Маркс прекрасно понимал великое воспитательное значение открытого существования рабочих организаций вообще и политической организации сознательного пролетариата в частности. Но, гениальный диалектик, он никогда не забывает, что все зависит от обстоятельств, времени и места. После поражения революции 1848—1849 гг. он писал, что перед пролетарской партией европейского материка остался только один путь— *«путь тайного объединения»* (подчеркнуто мною), т. е. *путь в подполье.*

Удивительно, как это наши ликвидаторы до сих пор не заклеили Маркса презрительной — *по их мнению*— кличкой «певца подполья!»

В Италии на последнем, только что состоявшемся съезде социалистической партии самый выдающийся лидер местных оппортунистов, Л. Биссоляти⁶, заявил, что *социалистическая* партия, эта, как он выразился, засохшая ветка, должна перестать существовать и уступить свое место *рабочей* партии, которая должна составиться из широких рабочих организаций (главным образом профессиональных союзов). Биссоляти, как видите, тоже ликвидатор. Что же? Неужели и он сделался ликвидатором под влиянием «новых условий» созданных российскими событиями 1905—1907 гг.? Конечно же — нет! Дело тут совсем не в «новых условиях», а в *старой природе* оппортунизма. Оппортунизм — враг всяких широких обобщений. А так как социализм есть, несомненно, самое широкое и самое смелое обобщение нашего времени, то к партии, написавшей его на своем знамени,

они рады повернуться спиной везде, где находят подходящий для этого повод. А «новые условия, это — «одна словесность». Бернштейн отказывался от «конечной цели» тоже не под влиянием «новых условий».

В высшей степени достойно замечания то обстоятельство, что в эпоху возникновения нынешней социалистической партии в Италии существовал свой «экономизм», который и воскресает теперь в лице Л. Биссоляти, как наш старый «экономизм» воскресает теперь в лице С. Новичей, Ежовых, Левицких и Мартовых с братией.

IV

Не так давно мне пришлось вести довольно горячий спор с одним товарищем, который, будучи во многом согласен с ликвидаторами, еще не решился перейти целиком на их сторону. Этот товарищ напирал преимущественно на то, что «блок» противников ликвидаторства до сих пор ничего не дал в смысле разрешения спорных вопросов нашей тактики. Возможно, что и другие товарищи склонны выдвигать этот упрек против этого «блока». Нужно, стало быть, печатно объясниться на этот счет.

Начну с «блока». Его нет, а есть только то, что часть «большевиков» так же энергично отстаивает нашу партию, как и часть «меньшевиков». И тех, и других называют теперь *партийцами*. Было бы до последней степени печально, если бы у нас не оказалось «партийцев» в ту критическую минуту, когда малодушие и оппортунизм начали угрожать самому существованию нашей партии. И как нельзя более характерно то, что это естественное и отрадное сближение большевиков с меньшевиками для защиты партии вызывает так много недоразумений.

В нем видят плод каких-то тайных махинаций и секретных договоров. У нас так привыкли ко взаимной вражде фракций, что когда одна фракция говорит: «да», считается необходимым, чтобы другая возражала: «нет». И когда некоторые большевики говорят: «нельзя ликвидировать партию», тогда иным меньшевикам кажется, что политический расчет и даже политическая нравственность требует от них защиты ликвидаторов. Дальше этого нельзя идти в области фракционной ограниченности. Нашу партию в самом деле нужно было бы приз-

нать «засохшей веткой», если бы все ее члены даже на вопрос об ее существовании, — на роковой, гамлетовский вопрос *быть или не быть?* — не могли посмотреть иначе, как сквозь очки фракционных предубеждений. К счастью, это не так. Взаимное сближение большевиков-партийцев с партиями-меньшевиками, — представляющееся кружковым дипломатам каким-то злокозненным и опасным «блоком», — показывает, что «ветка» еще не засохла и что у нас еще есть люди, для которых *партийный* интерес выше *фракционного*.

Перехожу к *тактике*. Из того, что ликвидаторы с такой же энергией осуждаются частью меньшевиков, как и частью большевиков, еще не следует, разумеется, что обе эти части согласны между собой по вопросам тактики. Сказав: «не нужно ликвидаторов», я еще не сказал, каковы мои тактические взгляды. Но что же из этого? Разногласия везде возможны. Они даже необходимы. Знаменитый древний философ справедливо сказал: «Спор — отец всех вещей». Плохо не то, что у нас есть тактические разногласия, а то, что разногласия эти делают из каждой фракции особое «государство в государстве». Это страшное зло. Но против зла нет лучшего лекарства, как то взаимное сближение между большевиками и меньшевиками, о котором я говорю и в котором иные кружковые дипломаты видят чуть не заговор.

Сближение это не устраняет *действительных* тактических разногласий. Но оно будет способствовать устранению *мнимых*, выросших на почве взаимной фракционной вражды. А это уже очень хорошо, так как нет ничего вреднее мнимых разногласий. Стало быть, и с этой стороны «блок», вызвавший такую тревогу в некоторых фракционных муравейниках, только полезен для российской социал-демократии. Он представляет собой большой плюс в деле упрочения нашего партийного единства. По какому же случаю шум?

Вот почему я всеми силами отстаиваю этот, так называемый, блок. Я вижу в нем отрадное знамение времени, признак того, что наши старые фракционные перегородки, — принесшие столько вреда российской социал-демократии, — начинают падать. И по той же причине я охотно принял предложение редакции «Рабочей Газеты» писать в этом органе. Кружковые дипломаты закричат: «Плеханов перешел на сторону большевиков!» Это нисколько меня не смущает. Я признаю за собой

одно неоспоримое достоинство: глубочайшее презрение к кружковым дипломатам. Я всегда шел «вперед», совсем не примечая их судачеств. Так я поступаю и теперь. Мои тактические взгляды вполне сложились в то время, когда большевиков и меньшевиков еще не было на свете, т. е. в период возникновения группы «Освобождения Труда». С тех пор в них не происходило никаких существенных изменений. Если я иногда поддерживал большевиков, а иногда, наоборот, меньшевиков, то это происходило по той весьма простой причине, что иногда те, а иногда другие были более правы с *моей точки зрения*. Этого не понимали кружковые дипломаты, упрекавшие меня в «*неустойчивости*»; но это было неизбежно именно потому, что я устойчиво держался своих собственных взглядов, не принося их в жертву кружковым соображениям минуты. Так намерен я поступать всегда. И этим твердым намерением достаточно объясняется мое участие в «Рабочей Газете».

Читатель может быть уверен, что я сумею остаться самим собой, умея поддерживать в то же время полезные начинания как меньшевиков, так и большевиков. Впрочем, я уже сказал, что самые эти названия теперь уже устарели в весьма значительной степени.

Теперь, когда все более и более планомерные, все более и более настойчивые усилия ликвидаторов грозят разрушить нашу партию, нам следует больше помнить о том, что соединяет, а не о том, что разделяет друг от друга нас, партийцев. Довлеет дневи злоба его!

— Итак, злоба дня, это — охота на ликвидаторов? Только она приведет нас к благополучию?

— Это не совсем так. Вернее, это совсем не так. Нужно не охотиться на ликвидаторов, а мешать им охотиться на нашу партию. Этого еще недостаточно для того, чтобы вывести нас из неблагоприятного положения. Но это необходимо, как первое условие нашего движения в направлении к благополучию. Чтобы идти вперед, нужно сначала научиться отстаивать свое существование. В противном случае надо готовиться к смерти. Самозащита есть первая *обязанность* всего того, что имеет право на жизнь.

<
Плеханов Г. В. Соч. Т. 19. С. 275—284.

Раскола в нашей фракции, конечно, никто не хотел, кроме наших врагов. Но первый и очень значительный шаг к нему, несомненно, уже сделан: шесть депутатов¹ из числа входящих в эту фракцию отмежевались от остальных семи². Есть полное основание ожидать новых шагов в том же направлении. Другими словами, есть полное основание думать, что раскол дойдет до своего логического конца. Сознательные русские рабочие должны знать это и считаться с этим.

Только они, только сознательные русские рабочие могут положить конец расколу. Но, чтобы положить ему конец, они должны хорошенько понять современное положение дела.

Кто виноват в расколе? Этому вопроса не разрешили бы и десять Соломонов. Но его не надо и ставить. Вопрос не в том, кто виноват в действиях, совершенных, например, пять или восемь лет тому назад, — известно, что в нынешнем году нашему расколу исполнится десять лет, — а в том, где лежит в настоящее время главнейшее препятствие для устранения раскола.

Это — совсем другой вопрос. Ответить на него очень нетрудно.

Газета «Луч»³ хочет навязать нашим партийным элементам объединение с такими господами, которые в тяжелую для нашей партии годину, в то время, когда она истекала кровью, подвергаясь ударам на время восторжествовавших реакционеров, изменили ей, кричали, что ее не только не надо защищать, но надо бежать из нее без оглядки (так писал г. Маевский), словом, отнеслись к ней несравненно хуже, нежели библейский Хам к своему ослабевшему отцу. Эти почтенные господа были меньшевиками. Это обстоятельство вызвало новый раскол: раскол в рядах меньшевиков. Часть их встала против Маевских, объявив их поведение совершенно недостойным социал-демократов. Другая часть меньшевиков, из-за фракционных соображений, — главным образом, из ненависти к товарищу Ленину, — сочла нужным поддержать господ Маевских. Вот эта-то последняя, одаренная столь широкой «терпимостью», часть меньшевистской фракции и возмущается теперь теми «нетерпимыми» товарищами, которые полагают, что ин-

терес партии заключается не в том, чтобы объединять ее с людьми, посягавшими на самое ее существование. Любвеобильный Иисус говорил: все прощается, но грех против духа святого не простится. Каждый преданный член нашей партийной организации должен сказать теперь, несколько видоизменяя только что приведенные слова: все может быть прощено, кроме покушения на жизнь нашей партии. И, чтобы сказать это, вовсе не надо быть большевиком. Мы, меньшевики-партийцы, думаем совершенно так же. И мы уверены, что скоро будет думать так весь сознательный российский пролетариат. Ведь легко же понять, что одно дело — объединение пролетарских сил, а другое дело — объединение (в газете «Луч») с такими джентльменами, объединение с которыми нравственно невозможно для людей, понимающих, что такое верность своему партийному знамени.

Для объединения пролетарских сил необходимо, чтобы оставались на своем нынешнем месте, т. е. за пределами партии, те рыцари печального образа, которые, будучи объединены фракционной склокой, волочили в грязи свое партийное знамя.

Пролетариат скоро поймет это, потому что легко понять это каждому сознательному рабочему. Жизнь — хороший учитель. Она учит пролетария понимать, что такое партийная дисциплина.

Я знаю, что за эти строки адвокаты гг. Маевских, — Л. Мартов и другие, — обрушатся на меня с самой отборной бранью. Пусть бранятся: эти «теоретики» ни к чему другому и не способны. А я все-таки считал своим долгом сказать сознательным русским рабочим то, что я думаю по поводу раскола, начинающегося теперь в социал-демократической фракции Государственной Думы.

Здесь стою я, и не могу иначе.

Плеханов Г. В. Соч. Т. 19. С. 457—458.

ПОД ГРАДОМ ПУЛЬ

(Беглые заметки)

Заметка № 1

Не пугайтесь, читатель: пули, о которых я говорю, не убивают и даже не ранят, а только забавляют. Они

принадлежат к числу тех, которые «отливают» чудаки, шутники, а подчас и вообще люди, попавшие в затруднительное положение. Я потому и обращаю на них ваше внимание, что, как видно, очень затруднительно положение тех товарищей и тех «товарищей», которые отливают теперь в «Луче» пули по поводу моей заметки «К вопросу о расколе в социал-демократической фракции 4-й Государственной Думы».

В качестве «сих дел мастера» укажу прежде всего на т. Вано, напечатавшего в № 65 «Луча» статейку «Прискорбное явление».

Прискорбное явление, это — я, как автор только что названной заметки в «Правде». Чем же, собственно, я для него прискорбен? А вот послушайте.

По его словам, моя «трибуна» среди пролетариата гораздо выше, нежели «трибуна» Толстого среди буржуазии. Но огорчает его не это обстоятельство, а то, что человек, стоящий на столь высокой «трибуне», не всегда считается со своим положением. А этот грех уже издавна числится за высоко стоящим человеком. Для доказательства т. Вано делает экскурсию в область прошлого.

«Он (т. е. я. — Г. П.) пересаливал в борьбе с большевиками (вспомним хотя бы Лондонский съезд, где он категорически заявлял, что существующие две дороги никогда не сойдутся, вследствие чего многие меньшевики и большевики — рабочие теряли надежду на организационное единство)».

Что значит: существующие две дороги? Я знаю не только две, а очень много дорог, которые никогда не сойдутся. Однако я отнюдь не теряю вследствие этого надежды на организационное единство и «категорически» приглашаю товарищей-рабочих (все равно, большевиков или меньшевиков) верить, что это единство, наконец, осуществится.

Пусть т. Вано даст себе труд прочитать хотя бы брошюру ликвидатора Череванина¹ о Лондонском съезде. Он увидит из нее, до какой степени «категорически» отстаивал я там организационное единство. Я уже тогда разоблачал ликвидаторов, стремившихся нарушить его. Когда большевики начали истолковывать идею рабочего съезда в смысле противопоставления массового движения партийной организации, я «категорически» заявил, что пойду против всякого, кто позволит себе подобное

противопоставление. И я, как известно, сдержал свое обещание.

Как же мог т. Вано, слушая или читая мои лондонские речи, утратить надежду на организационное единство? Непостижимо!

«Но, — продолжает утративший надежду товарищ, — последний призыв его превосходит всякие ожидания. Он призывает оставить за пределами партии ее добрых две трети. Да, две трети, ибо заодно с бывшими ликвидаторами теперь стоят не менее двух третей, если не вся партия».

Это «да, две трети, если не... и т. д.» несколько не убедительно по той простой причине, что совершенно голословно. Тов. Вано напоминает мне того ленивого школьника, который на вопрос, как он докажет, что земля вертится, отвечал: «ей-богу, это так». Божба — не доказательство.

Я держался бы слишком плохого мнения о сознательном пролетариате России, если бы допустил, что две трети его могут быть в настоящее время «заочно» с бывшими ликвидаторами. Но, во всяком случае, я не божусь и ничего не утверждаю голословно, а обращаюсь к сознательному пролетариату и приглашаю его подумать о том, *может ли он, не изменяя своей задаче, оправдывать поведение господ ликвидаторов?* До сих пор я не слышал сколько-нибудь внушительного ответа в положительном смысле. Напечатанные в «Луче» письма отдельных рабочих и некоторых рабочих групп (т. Вано ссылается на эти письма) доказывают только то, что заодно с ликвидаторами идут *некоторые* рабочие группы и *некоторые* отдельные рабочие. Мне неизвестно прошлое этих групп и этих отдельных рабочих, но я сильно подозреваю, что все они сами, как говорится, были мыты в семи водах ликвидаторства.

Если это в самом деле так, то надо сознаться, что они — плохой авторитет и что тот, кто на них ссылается, стремится ввести в обман сознательный пролетариат России. А это уж совсем «прискорбное явление».

Тов. Вано говорит о партии. О какой? Как понимает он отношение к партии ее членов? Вот как.

Он пишет:

«Плеханов, как и большевики, не совсем прав в своих обвинениях: *ликвидаторы отрицали не политическую партию пролетариата, а старую организацию этой*

партии, доказывая, что партию надо организовать заново при помощи легальных организаций и легальной работы, ибо старая нелегальная организация уже труп и оживить ее нет возможности».

Эти слова т. Вано, так неосторожно им самим подчеркнутые, неопровержимо доказывают, во-первых, что я совершенно прав в своих обвинениях против ликвидаторов, а во-вторых, что он, т. Вано, не имеет ровно никакого понятия о том, как обязан относиться к своей партии всякий порядочный политический деятель. А это уж, конечно, еще более «прискорбное явление».

Ликвидаторы отрицали старую организацию нашей партии; они доказывали, что она «уже труп и оживить ее нет никакой возможности». Именно это я и говорил. Кто утверждает, что партия, к которой он принадлежал, уже умерла («уже труп»), тот сам умер для партии. А те, которые умерли для нее, те не имеют в ней никаких прав. А если они не имеют в ней никаких прав, то можно ли упрекать тех людей, — например, меня грешного и моих ближайших единомышленников, — которые отказываются признавать их своими товарищами? И можно ли кричать о расколе, если те, которые хотят объединить партийные силы, отказываются протянуть руку этим господам, так усердно рывшим могилу своей собственной матери, которая была жива, но сильно ранена и окружена превосходными силами временно восторжествовавшего неприятеля?

Если бы ликвидаторы «отрицали политическую партию пролетариата», то это значило бы, что они делают *только* теоретическую ошибку, т. е. подпадают под идейное влияние синдикалистов. Но в данном случае мы обвиняем ликвидаторов вовсе не в теоретической ошибке, а в преступлении против той партийной организации, к которой они принадлежали. Тов. Вано называет эту организацию старой и думает, что, назвав ее старой, он тем оправдывает ликвидаторов. Но этим он лишь показывает, как много «прискорбной» путаницы в его голове.

Возьмем пример. Меня обвиняют в том, что я сделал покушение на жизнь человека. Тогда мой защитник становится в красивую позу и с жаром восклицает: «Господа присяжные! Обвиняемый хотел убить не человека вообще, а только этого старого человека». Допустим, что человек, от меня пострадавший, в самом де-

ле дожил уже до весьма преклонного возраста. Но это ровно ничего не изменяет. Всякий, несмотря на это, все-таки скажет, что мой защитник не орел, со-о-о-всем не орел.

Тов. Вано, увы! — тоже не орел. Он сам не знает, что говорит. Нельзя разрушить партию вообще. Можно разрушить только данную партию. И когда данную партию разрушает человек, сам к ней принадлежащий, тогда его называют *изменником*. И если бы целые стада товарищей Вано восстали против такого названия и завопили, что оно слишком резко, то мы все-таки не могли бы ради них переиначить русский язык: смысл слова *изменник* все-таки остался бы совершенно определенным, и это слово как раз подходило бы для характеристики человека, попытавшегося разрушить свою собственную партию. Изменник есть изменник. Маевский есть Маевский. Ежов есть Ежов. Потресов есть Потресов. Это все, конечно, весьма «прискорбные явления», но я в них совершенно не виноват.

Господа, стремившиеся разрушить нашу партию, пытаются оправдать свой поступок, утверждая, что она, все равно, уже не существовала. По этому поводу я приглашаю сознательный русский пролетариат принять во внимание следующее.

Тов. Вано считает этот довод убедительным. И он же утверждает, что «заодно с бывшими ликвидаторами» стоят две трети партии. Но ведь *новой* партии мы не основывали. Стало быть, он говорит о *старой*. Стало быть, ликвидаторы лгали. Стало быть, он мирится с ложью. Еще и еще раз: это — весьма «прискорбное явление».

Я уже признал, что, когда ликвидаторы поднимали свою преступную руку на нашу партию, она находилась в очень тяжелом положении. Но чем тяжелее в данное время положение данной партии, тем энергичнее обязан отстаивать ее существование каждый преданный ее член. Кто поступает иначе, кто сам старается нанести ей удар ножом в спину; тот позорно изменяет своему партийному долгу, и того не оправдают никакие адвокаты — даже несравненно более искусные, нежели совсем неискусный т. Вано.

Возьмем еще пример. Рабочие данного завода объявляют стачку. Стачка идет неудачно. Дело принимает такой оборот, что скоро стачечникам придется взяться за ра-

боту. Однако они продолжают самоотверженно бороться. Но в их среде находятся бойкие молодцы, которые кричат во всеуслышание, что средства стачечников уже истощились, что стачка уже умерла. Их, конечно, очень хвалят за это гг. Изгоевы... виноват, я хотел сказать: гг. предприниматели. Но как называют их сами стачечники? Сознательным рабочим известно, как надо называть таких молодцов. И они легко поймут, что совершенно так же надо называть Маевских, Ежовых, Потресовых и им подобных.

Продолжаю тот же пример. Стачка кончилась. Но обстоятельства начинают меняться в пользу рабочих. Поднимаются толки о необходимости единения рабочих сил. И вот приходят «товарищи», доведившие до сведения фабрикантов, что стачка умерла, и говорят: «Если уж объединяться, так объединяйтесь и с нами». Что ответят им сознательные рабочие? Неужели не поймут они, что именно в интересах объединения нужно прежде всего «попросить вон» этих недавних могильщиков стачки?

Товарищи рабочие! Я превосходно понимаю, что в единении сила. Я постоянно твержу это. Но я спрашиваю вас: когда лучше объединена была апостольская община: тогда ли, когда в ней еще находился Иуда-предатель, или же тогда, когда он повесился?

Тов. Ваню величает «бывших ликвидаторов» стойкими работниками. Но их «стойкость» проявилась исключительно в деле разрушения партии. И чем больше «стойкости» проявили они, тем невозможнее объединение с ними. Да и что это за название «бывшие ликвидаторы»? Оно напоминает щедринское «бывый профос». Звание профоса пользовалось в России XVII века такой печальной известностью, что население терпеть не могло даже и «бывых профосов». Сознательный пролетариат России очень хорошо сделает, если будет сторониться даже и от «бывых» ликвидаторов.

Тот, кто навязывает нам единение с ними, продолжает стоять на точке зрения фракционной склоки. Он защищает их ради фракционного кумовства. Но соображения фракционного кумовства могут быть убедительны лишь для некоторых отдельных лиц и для некоторых отдельных групп лиц. Они не могут существовать для пролетариата. Пролетариат не захочет поддерживать раскол ради тех, которые копали могилу нашей

партии. Он не забудет, что если наша партия не лежит в сырой земле, если она отстояла свое существование в тяжелую годину, то это произошло *вопреки усилиям «бывых» ликвидаторов*. Этого для него вполне достаточно, чтобы знать, с кем идти и от кого сторониться.

Плеханов Г. В. Соч. Т. 19. С 459—463.

Заметка № 5

В. И. Засулич, ликвидаторы и раскольничий фанатизм

В № 88 (174) «Луча» В. И. Засулич сделала «заявление», которое я не могу оставить без ответа¹.

В. И. Засулич пишет:

«В своей последней статье Г. В. Плеханов сводит почему-то число «изменников» к трем вышеупомянутым товарищам². На самом деле, число людей, неустанно работавших на пользу с.-д. партии в самые тяжкие годы реакции и тем самым заслуживших от Плеханова, Ленина и проч. имя «ликвидаторов», а затем «изменников», было гораздо больше».

Вдумайтесь, читатель, в логический смысл этих строк. «Плеханов, Ленин и проч.» окрестили ликвидаторами, а затем изменниками, — «людей, неустанно работавших на пользу социал-демократической партии (заметьте: *партии!* — Г. П.) в самые тяжкие годы реакции». Что сказать по этому поводу? Тут можно сказать только одно: если В. И. Засулич правильно излагает факты, то «Плеханов, Ленин и проч.» — совершенно вздорные люди, на крики которых не следует обращать внимания. Да и этого мало. Чтобы назвать изменниками товарищей, неустанно работавших на пользу партии, надо самому быть изменником, а в лучшем случае — сумасшедшим. Спрашивается, что же представляют собою «Плеханов, Ленин и проч.» — сумасшедших или изменников?

В. И. Засулич имеет репутацию очень мягкого человека. И эта репутация в значительной мере заслужена ею. Москвичи звали когда-то царя Алексея Михайловича тишайшим. В. И. Засулич можно назвать тишайшей, по крайней мере, с таким же правом. Она очень не любит больших резкостей. Вероятно, лишь вследствие этого она не называет меня, Ленина «и проч.» ни сумасшедшими, ни изменниками. Она объясняет нашу огром-

ную ошибку,—потому что ведь огромная, беспредельная ошибка совершенно очевидна... если только правду написал человек, носящий славное имя В. И. Засулич,—ослеплением, которое, в свою очередь, вызвано раскольничьим фанатизмом. Кроме того, она, как будто опасаясь, что и это, сравнительно мягкое, объяснение выйдет слишком обидным для меня, еще более золотит пилую. Она выражает надежду, что мой «злой раскольничий фанатизм» подействует отрезвляющим образом на рабочих-большевиков и тем вызовет в них «нелицемерное стремление к единству». «Если моя надежда оправдается,—заканчивает она,—то Г. В. Плеханов опять окажет — на этот раз против собственной воли—значительную услугу российской социал-демократической рабочей партии».

Это, пожалуй, уж ирония. И даже наверно так. Но ведь и тишайший писатель не может обойтись без иронии и отчасти без резких выражений в тех крайних случаях, когда ему приходится иметь дело с лицами вроде «Плеханова, Ленина и проч.», которых по настоящему-то надо было бы, как мы видели, признать изменниками или посадить в желтый дом. В таких случаях ирония и даже некоторая резкость вполне понятны. Еще более понятно, что тишайшая В. И. Засулич выражает свое сочувствие не «Плеханову, Ленину и проч.», а тем людям, которые «неустанно работали на пользу социал-демократической партии в самые тяжкие годы реакции» и за это были жестоко оскорблены «Плехановым, Лениным и проч.». Можно ли не сочувствовать этим обиженным и униженным? Если гг. ликвидаторы умиляются, читая разбираемое мною «заявление», то это происходит единственно оттого, что по части чувствительности они не уступают самому автору «Писем русского путешественника»³. На самом же деле, тут нечем и умиляться: сочувствие к лицам, обиженным «Плехановым, Лениным и проч.», обязательно для всякого неиспорченного гражданина... если только не взвел на нас напраслины, если только не покривил душой человек, носящий славное имя В. И. Засулич.

Но, — увы, увы! — человек, носящий это славное имя, покривил душою, взвел напраслину. Мне тяжело утверждать это, хотя я никогда не считался тишайшим. Но делать нечего. Обстоятельства заставляют меня говорить.

Я никогда не называл ликвидаторами, а еще менее изменниками, таких людей, которые работали на пользу партии в тяжелые годы реакции*.

В моих статьях ликвидаторами назывались люди, стремившиеся ликвидировать свою собственную партию.

Разве ликвидировать свою собственную партию значит работать на ее пользу?

Я покорнейше прошу тишайшую В. И. Засулич категорически ответить мне на этот вопрос.

Далее. Некоторые из людей, стремившихся ликвидировать свою собственную партию, доходили до того, что приглашали своих товарищей покидать ее ряды.

Разве поступать так по отношению к своей собственной партии значит работать на ее пользу?

Я покорнейше прошу тишайшую В. И. Засулич категорически ответить мне также и на этот вопрос.

Наконец. Один из людей, стремившихся ликвидировать свою собственную партию, позволил себе печатно заявить, что она не существует как организованное целое.

Делать перед лицом неприятеля подобное заявление о своей собственной партии — значит ли работать на ее пользу?

Я не буду настаивать на том, чтобы В. И. Засулич ответила мне, между прочим, на этот последний вопрос. Мне кажется, что ответ на него содержится в ее «заявлении». Там я нахожу следующие строки.

«Я не работала в их рядах (т. е. в рядах людей, которых я называл ликвидаторами и проч. — Г. П.). Но если бы я работала, то, несомненно, так же, как и они, работала бы вне той партийной организации, которой не существовало в России, и без всякого руководства несуществовавших здесь центров».

Если это, в самом деле, ответ, то он как нельзя более странен. В первом — приведенном мною выше — отрывке из «заявления» В. И. Засулич говорилось, что люди, защищаемые ею от несправедливых обвинений со стороны «Плеханова, Ленина и проч.», работали на пользу партии в тяжелые годы реакции. Теперь оказы-

* Не называли их так, конечно, и «Ленин и проч.». Но, не желая осложнять свой ответ, я предоставляю «Ленину и проч.» отвечать самим за себя. Это тем более удобно, что мое отношение к ликвидаторам отличается от отношения к ним Ленина, а также, может быть, и отношения к ним *некоторой части* «и проч.».

вается, что в эти годы партии не существовало. Как же могли клиенты В. И. Засулич работать на пользу несуществовавшей партии?

Ища ответа на этот проклятый вопрос, предположим, что люди, защищаемые В. И. Засулич, работали на пользу партии в том смысле, что стремились вновь создать ее в то время, когда она не существовала. Это предположение — наиболее выгодное как для самой В. И. Засулич, так и для ее клиентов. Но посмотрите, что получается у нас при этом, наиболее выгодном для моих противников, предположении.

Клиенты В. И. Засулич старались вновь создать РСДРП. Это превосходно.

Но зачем один из них — г. Потресов — во всеуслышание возвестил, что партия разрушена? У В. И. Засулич ответ готов: «Для успешности работы часто бывает необходимо высказать то, что есть». Пусть *«бывает»*. Но почему же именно *было* в данном случае? Другими словами, зачем надо было г. Потресову именно в этом случае кричать, что ликвидаторов нет, так как ликвидировать нечего, ибо партия уже не существует? Нужно ли было для успеха новой, создаваемой клиентами В. И. Засулич, партии доводить до сведения наших врагов то обстоятельство, что старая партия разрушена? Этого никто не скажет. Сама В. И. Засулич, должна будет признать, что подобное осведомление врагов являлось *невыгодной* стороной поступка г. Потресова. Но тогда в чем же могла состоять его *выгодная сторона*, будто бы перевесившая невыгодную? Очевидно, только в одном. Деяние это, т. е. констатирование того факта, что старая партия уже не существует, должно было служить доводом в защиту людей, строивших новую партию. От кого же нужно было защищать их? Ясно, от кого: от тех их товарищей, которые, не соглашаясь с тем, что старая организация уже разрушена, настаивали на необходимости ее упрочнения, т. е. от тех, которые впоследствии получили очень подходящее название партийцев.

Отсюда следует, что сама В. И. Засулич ограничивает смысл того утверждения, что старой партии уже не существовало. Теперь утверждение это надо понимать так, что хотя партия была разрушена, но все-таки продолжали существовать ее остатки.

Для борьбы с этими остатками и важно было клиен-

там В. И. Засулич во всеуслышание возвестить о разрушении старой партии.

Что же происходит тогда, когда одни — в данном случае партийцы — доказывают, что надо упрочивать старую организацию, а другие — в данном случае В. И. Засулич — кричат, что следует заводить новую? Происходит раскол. Кому же принадлежит здесь почин раскола? — Клиентам В. И. Засулич. Но если это так, то можно ли удивляться, что партийцы возмущались поступками этих клиентов? Что они называли их раскольниками? Ведь иначе их и назвать нельзя было.

Заключалось ли какое-либо преувеличение в словах партийцев, когда они говорили, что клиенты В. И. Засулич совершают измену? Ни малейшего! Когда люди, принадлежавшие к данной организации, решаются покинуть ее в трудных обстоятельствах, поколебавших самое существование ее как целое; когда они кричат, что ее уже нет, стараясь в то же время разрушить ее остатки, тогда они являются изменниками по отношению к старой организации.

Что же у нас вышло? Вышло то, что, опираясь на собственные слова тишайшей В. И. Засулич, я показал, как дважды два — четыре, что ее клиентов невозможно назвать иначе, как раскольниками и изменниками. Поздравляю защитницу ликвидаторов с большим успехом.

Скажут, пожалуй: «Бывают случаи, когда без раскола обойтись невозможно». Я знаю, бывают. Но пусть же тишайшая В. И. Засулич признает, что в рассматриваемую нами эпоху раскол был необходим. Пусть она имеет мужество назвать своих клиентов раскольниками! Пусть она не валит с больной головы на здоровую! Пусть она не обвиняет в злобном раскольничьем фанатизме таких людей, которые, подобно мне, виновны только в том, что строго осуждают дорогих ей раскольников!

Мы видим, что «Плеханов, Ленин и проч.» — вовсе не такие безумцы, какими выступали они под пером моей мягкой оппонентки. Запомним этот неизбежный вывод.

До сих пор я, по свойственной мне любезности, держался того, наиболее выгодного для В. И. Засулич, предположения, что партия не существовала как целое. А что будет, если я приму другое предположение? Что будет, если я предположу, что партия существовала?

Тогда у меня получатся выводы, еще менее благоприятные для клиентов В. И. Засулич. Тогда они представляются преступниками, не заслуживающими ни малейшего снисхождения. И тогда «Плеханов, Ленин и проч.» будут еще более правы.

Как же решить, существовала или не существовала партия в ту эпоху, когда ликвидаторы предавались своим «художествам»?

Решая этот вопрос, я сошлюсь не на противников В. И. Засулич, идущих вместе с «Плехановым, Лениным и проч.», а на ее друзей, т. е. на тех, которые сами лобызались с любезными ей ликвидаторами.

Как я уже говорил в одной из предыдущих заметок⁴ в интересующий нас период времени была принята одним, хорошо известным В. И. Засулич, пленарным заседанием резолюция, категорически утверждавшая, что партия существует как целое, и прибавлявшая, что отрицание ее существования свидетельствует о буржуазном влиянии на пролетариат. Резолюция эта была принята единогласно собранием, в котором участвовало несколько очень видных единомышленников В. И. Засулич*. Если сказала правду резолюция, то говорит неправду В. И. Засулич, утверждая, что партии не существовало. А если правду говорит В. И. Засулич, то неправда сказана лицами, принявшими резолюцию, т. е., между прочим, несколькими видными единомышленниками моей оппонентки.

Как разобраться в этой путанице? Я утверждаю, что правду сказали лица, принявшие резолюцию, т. е., между прочим, и некоторые единомышленники В. И. Засулич, верные друзья г. Потресова и К°. Пусть опровергает моя оппонентка.

Значит...

Но читатель и без меня поймет, что означает все это.

В. И. Засулич утверждает, что она не работала в рядах ликвидаторов, а если бы работала, то поступала

* Для точности вот отрывок из резолюции: «Историческая обстановка социал-демократического движения в эпоху буржуазной контрреволюции неизбежно порождает, как проявление буржуазного влияния на пролетариат, с одной стороны, отрицание нелегальной социал-демократической партии, принижение ее роли и значения и т. д.». Обвиняемые мной и защищаемые В. И. Засулич господа: Ежов, Левицкий, Маевский и проч. (В. И. Засулич думает, что их только три, но их больше) грешили именно теми грехами, на которые указывает этот отрывок.

бы так же, как они. В логике это называется тавтологией: нельзя было работать в рядах ликвидаторов, не поступая так же, как они. Но у В. И. Засулич эта тавтология обозначает простое уверение в том, что, если бы она работала в указанное время, то она сама вела бы себя так же, как и ее клиенты. Чувствуя себя солидарной со своими клиентами, она выражает удивление по поводу того, что я нашел нужным отмежевать ее от них. Удобнее всего будет ответить ей примером.

На скамье подсудимых сидит несколько интендантов. На их защиту поднимается старый, заслуженный генерал и заявляет, что он не «работал в их рядах», но если бы работал, то обращался бы с казенным добром так же бесцеремонно, как они. Что возразили бы судьи этому чудаку? Приблизительно следующее:

«Очень жаль, Ваше Высокопревосходительство, что Вы на старости лет так дурно себя аттестуете. Но, глубоко сожалея об этом, мы все-таки не посадим Вас рядом с подсудимыми. Нашему суду подлежат только уже совершенные деяния, а не те, которые могли бы быть совершены».

Больше тут сказать нечего. Поэтому и я больше ничего не скажу.

В. И. Засулич не понимает того обвинения, которое было выдвинуто мною против ее клиентов. По ее мнению, оно сводится к тому, что они работали вне партийной организации. Но это не так. Выдвинутое мною обвинение шире, как шире те преступные деяния, которые были совершены ее клиентами. Эти господа не только работали вне партийной организации, они старались разрушить ее и даже отрицали самую идею «подполья», они приглашали наших социал-демократов «безоговорочно порвать» с преданиями прошлого и направить все свои силы на путь легального движения (В. Ежов). Я спрашиваю В. И. Засулич, одобряет ли она все это? Сказала ли бы она то же самое, что говорили эти господа, если бы ей пришлось работать в интересующее нас время? Если сказала бы, то я все-таки не перестану отмежевывать ее от них, так как, повторяю, никого нельзя судить за те деяния, которые могли бы быть им совершены. Но мне будет очень жаль, что один из бывших членов группы «Освобождение Труда»⁵ дошел до такой печальной возможности: одобрить то, что я назвал социал-демократическим октябризмом.

В. И. Засулич усматривает злобный раскольничий фанатизм в том, что я резко осуждаю действия людей, поднявших руку на собственную партийную организацию. Это показывает, как мало развито понятие о партийной дисциплине даже у таких людей, которые, несмотря ни на что, все-таки должны быть отнесены к числу наилучших представителей российской социал-демократии. Пока это понятие останется у наших товарищей в том зачаточном состоянии, в каком мы наблюдаем его в В. И. Засулич, до тех пор расколы будут повторяться у нас с правильностью астрономических явлений. К счастью, плохим пониманием обязанностей, налагаемых дисциплиной на каждого члена партии, страдают, главным образом, «интеллигенты». Сознательные рабочие могут много сделать для устранения этого, преимущественно «интеллигентского» недостатка. А так как надо когда-нибудь начать, то я предлагаю им начать теперь же, строго и нелицеприятно высказавшись по делу Потресова, Ежова, Левицкого, Маевского.

Да, да, вот оно как! Долго молчала В. И. Засулич, а когда выступила, то написала нечто совсем неудачное. Как жаль, что она упустила превосходный случай помолчать еще немножко! Что за охота ей играть в руках ликвидаторов роль иконы, которой стараются иногда оградиться от стихийных бедствий? Еще покойный Драгоманов⁶ говорил когда-то, что подобная роль ей не к лицу. Помнится, в этом она с ним соглашалась.

Плеханов Г. В. Т. 19. С. 482—489.

П. Б. АКСЕЛЬРОД

(1850—1928)

Павел Борисович Аксельрод — участник российского революционного движения. С начала 70-х годов народник. В 1883 г. принимал участие в создании группы «Освобождение труда», в выпуске «Библиотеки современного социализма». В 1896 г. с выходом первого номера сборника «Работник» — один из его редакторов вплоть до 1899 г. (до прекращения издания). С 1900 г. Аксельрод — член редакций «Искры» и «Зари». После II съезда РСДРП — один из ли-

Г. В. ПЛЕХАНОВ

На пороге двадцатого века. Впервые опубликована в «Искре» (1901, февраль, № 2).

«Искра» — первая общерусская нелегальная марксистская газета. Сыграла решающую роль в создании революционной марксистской партии в России. Первый номер был сверстан 11 (24) декабря 1900 г., но печатание несколько задержалось, и он вышел в свет в январе 1901 г. в Лейпциге. Затем газета выходила в Мюнхене, с июля 1902 — в Лондоне, с весны 1903 — в Женеве. В редакцию входили В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов, П. Б. Аксельрод, А. Н. Потресов, В. И. Засулич. Редакция «Искры» разработала проект программы партии, подготовила II съезд РСДРП, который в специальном решении объявил газету Центральным органом партии. На съезде была утверждена новая редакция в составе В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, Ю. О. Мартова. Мартов войти в редакцию отказался, потребовав включения в ее состав всех старых редакторов. №№ 46—51 вышли под редакцией Ленина и Плеханова. № 52 редактировался одним Плехановым, так как 1 ноября из-за настойчивости Плеханова ввести в состав редколлегии всех старых редакторов В. И. Ленин вышел из ее состава. Не веря в окончательный выход из «Искры» Ленина, меньшевики готовили к изданию свою газету под названием «Крамолы». Ю. О. Мартов 9 ноября в письме П. Б. Аксельроду сообщал, что для первого номера «Крамолы» уже набирается его статья «Еще раз в меньшинстве». Однако 13 ноября Плеханов единолично кооптировал в редакцию всех старых редакторов, и «Искра» стала меньшевистским органом. Статья Мартова, предназначавшаяся для первого номера «Крамолы», в доработанном виде появилась в 53 номере «Искры» под названием «Наш съезд». В мае 1905 г. Плеханов вышел из состава редакции, и до октября газету редактировал Мартов. Вышло всего 112 номеров «Искры». Неоднократные попытки Мартова продолжить ее издание в России к успеху не привели.

¹ *Фурье Шарль* (1772—1837), французский утопический социалист. Новое общество, считал он, утвердится путем пропаганды социалистических идей.

² *«Гора»* — революционно-демократическое крыло Конвента в период Великой французской революции 1789—1794 гг.

³ *«Жиронда»* (жирондисты), политическая группировка периода Великой французской революции, представлявшая преимущественно республиканскую торгово-промышленную и земледельческую буржуазию.

Карл Маркс. Впервые опубликована в «Искре» (1903. № 35).

¹ *Лопатин Герман Александрович* (1845—1918), революционный народник, друг К. Маркса, первый переводчик «Капитала» на русский язык.

² *Гартман Лев Николаевич* (1850—1908), революционный народник. В 1880—1881 гг. представитель «Народной воли» за границей. Был близко знаком с К. Марксом и Ф. Энгельсом.

³ *Бакунин Михаил Александрович* (1814—1876), один из идеологов революционного народничества, теоретик анархизма.

⁴ «*Освобождение*» — двухнедельный журнал. Выходил с июля 1902 по 18 (31) октября 1905 г. в Штутгарте и Париже. Издавался группой буржуазных либералов во главе со Струве.

⁵ *Струве Петр Бернгардович* (1870—1944), русский экономист, философ, историк, публицист. Теоретик «легального марксизма», один из лидеров кадетов. После разгрома Врангеля — белоэмигрант.

⁶ *Бастия Фредерик* (1801—1850), французский экономист. Один из авторов теории гармонии труда и капитала, отрицающей эксплуатацию рабочих буржуазией.

Централизм или бонапартизм? Впервые опубликована в «Искре» (1904. № 65).

¹ *Погодин Михаил Петрович* (1800—1875), русский историк, писатель. Издавал журналы «Московский вестник», «Москвитянин». Апологет «официальной народности».

² В статье «Замечания к письму уфимцев и уральцев. — От редакции «Искры». (Искра, 1904. 1 апреля, № 63.)

³ *Бернштейн Эдуард* (1850—1932), один из лидеров II Интернационала, идеолог ревизионизма. Отрицал марксистское учение о неизбежности краха капитализма и утверждения социализма.

⁴ *Герге Пауль* (1864—1928), германский социал-демократ. Пытался организовать в Германии евангелическое рабочее движение, но, потерпев неудачу, перешел к социал-демократам.

⁵ *Старовер* — А. Н. Потресов.

⁶ «*Заря*» — марксистский научно-политический журнал, издававшийся в 1901—1902 гг. в Штутгарте редакцией «Искры». Всего вышло 4 номера в трех книжках.

⁷ *Акимов* (партийный и литературный псевдоним Махновца Владимира Петровича, 1872—1921), один из наиболее последовательных представителей экономизма в российской социал-демократии.

⁸ Никакой политики, все время ура, а потом... (пер. с франц. сост.).

⁹ *Нечаев Сергей Геннадиевич* (1847—1882), участник русского революционного движения. Организатор тайного общества «Народная расправа», автор «Катехизиса революционера». Применял методы мистификации и провокаций. В 1869 г. в Москве убил по подозрению в предательстве студента И. И. Иванова и скрылся за границу. В 1872 г. выдан швейцарскими властями и в 1873 г. приговорен к 20 годам каторги. Умер в Алексеевском равелине Петропавловской крепости.

В защиту подполья. Впервые опубликована в газете «Социал-демократ» (1910. № 12).

«*Социал-демократ*» — нелегальная газета, центральный орган

РСДРП. Издавалась по постановлению V (Лондонского) съезда РСДРП с февраля 1908 по январь 1917 г. Всего вышло 58 номеров. В разное время в газете участвовали Ленин, Плеханов, Каменев, Зиновьев, Мартов, Дан, Троцкий, Мархлевский, Благоев. В 1910—1911 гг. в качестве приложения к газете в Париже выходил «Дискуссионный листок».

¹ *Треповы* — русские государственные деятели: *Александр Федорович* (1862—1928), председатель Совета Министров России в 1916 г.; *Дмитрий Федорович* (1855—1906), московский обер-полицмейстер, организатор вооруженного подавления революции 1905—1907 гг.; *Федор Федорович* (1812—1889), петербургский градоначальник. За жестокое обращение с политзаключенными В. И. Засулич совершила на него покушение и ранила.

² *Михайлов Михаил Ларионович* (1829—1865), поэт-переводчик. В 1861 г. за составление вместе с Н. В. Шелгуновым и распространение напечатанной за границей прокламации «К молодому поколению» был отправлен на каторгу, где и умер.

³ *Союз «Освобождение»* — нелегальное политическое объединение буржуазно-либеральной интеллигенции в России в 1904—1905 гг., группировавшееся вокруг журнала «Освобождение». В октябре 1905 г. члены Союза и земцы-конституционалисты образовали партию кадетов.

⁴ *Алексеев Петр Алексеевич* (1849—1891), один из первых русских рабочих-революционеров, ткач. В 1873 г. сблизился с народниками. На «процессе 50-ти» (1877) произнес яркую обвинительную речь. Приговорен к 10 годам каторги. Убит грабителями в Якутии, где он был ссыльнопоселенцем.

⁵ *Гучков Александр Иванович* (1862—1936), русский капиталист, лидер октябристов, один из организаторов корниловщины. Белоэмигрант.

Наше положение. Впервые опубликована в «Рабочей газете» (1910. № 1).

«Рабочая газета» — популярный орган большевиков. Издавалась в Париже с 30 октября 1910 г. по 30 июля 1912 г. Вышло 9 номеров. Пражской конференцией (январь 1912 г.) объявлена официальным органом РСДРП большевиков.

¹ *Плеве Вячеслав Константинович* (1846—1904), министр внутренних дел. Убит эсером Е. С. Сазоновым.

² *Изгоев А.* — один из авторов «Вех».

³ *Столыпин Петр Аркадьевич* (1862—1911), русский государственный деятель, министр внутренних дел и председатель Совета Министров с 1906 г. Убит эсером Д. Г. Богровым.

⁴ *Хемницер Иван Иванович* (1745—1784), русский поэт-баснописец.

⁵ *Соломон*, царь Израильско-Иудейского царства в 965—928 гг. до н. э. Славился необычайной мудростью.

⁶ *Биссолати Леонида* (1857—1920), один из лидеров реформистского крыла итальянской социалистической партии. Первый редактор центрального органа партии газеты «Аванти!» («Вперед»).

К вопросу о расколе в социал-демократической фракции 4-й Государственной думы. Впервые опубликована в «Правде» (1913. 8 марта).

«Правда» — ежедневная легальная большевистская газета. Первый номер вышел 22 апреля (5 мая) 1912 г. Активное участие в газете принимали В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, И. В. Сталин, К. С. Еремеев, К. Н. Самойлова, М. С. Ольминский, А. М. Горький, Демьян Бедный и др. Газета подвергалась постоянным преследованиям царского правительства. Из 646 номеров репрессиям подверглось 190. Против редакторов «Правды» было возбуждено 36 судебных дел. В общей сложности они отсидели в тюрьме свыше 47 месяцев. 5 июля 1913 г. «Правда» была закрыта и с 13 июня по 8 июля 1914 г. выходила под названием «Рабочая правда», «Северная правда», «Правда труда», «За правду», «Пролетарская правда», «Рабочий», «Трудовая правда». Перед началом первой мировой войны редакция «Правды» была разгромлена, сотрудники арестованы, газета закрыта. Возобновлена после свержения царизма 5 марта 1917 г. С этого дня выходит как центральный орган партии.

¹ В IV Государственную думу было избрано шесть большевистских и семь меньшевистских депутатов, составивших сначала единую социал-демократическую фракцию. От большевиков в Думу прошли А. Е. Бадаев, М. К. Муранов, Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов. Избранный от Московской губернии Р. В. Малиновский оказался провокаторм.

² От меньшевиков в социал-демократической фракции были представлены рабочие Бурьянов, Туляков, Хаустов, юрист Чхенкели, инженер Скобелев, конторский служащий Маньков и один из лидеров меньшевизма Н. С. Чхеидзе.

³ **«Луч»** — ежедневная газета меньшевиков-ликвидаторов, выходила в Петербурге с 16 сентября 1912 г. по 5 июля 1913 г. Идею руководства газетой осуществляли входившие ранее в редакцию «Голоса социал-демократа» Мартов, Аксельрод, Мартынов и Дан. С 11 июля 1913 г. по 23 января 1914 г. издавалась под названием «Живая жизнь», «Новая рабочая газета».

Под градом пуль. Заметка № 1. Впервые опубликована в «Правде» (1913. 3 апреля).

¹ **Череванин** (псевдоним Липкина Федора Андреевича, род. 1868), меньшевик, литератор. В период первой мировой войны социал-патриот. Позднее — член ЦК меньшевиков.

Заметка № 5. В. И. Засулич, ликвидаторы и раскольниковый фашизм. Впервые опубликована в «Правде» (1913. 7 и 8 июня).

¹ Заметка № 5 — заключительная статья Г. В. Плеханова из серии публикаций «Под градом пуль». Она явилась ответом на выступление В. И. Засулич в меньшевистском «Луче» со статьей «Плеханов и ликвидаторы». Кроме «Заметки № 1» были напечатаны «Заметка № 2. Письмо к одиннадцати передовым рабочим» (Правда. 1913. 10 апр.), «Заметка № 3. Под суд!» (Правда. 1913. 4 мая), «Заметка № 4. Господин Потресов в роли моего обвинителя» (Правда. 1913. 17—19 мая). Последняя явилась ответом на статью Потресова «Я обвиняю Плеханова», опубликованную в «Луче» (1913. № 88).

² Ликвидаторы Ежов, Левицкий и Маевский.

³ Автор «Писем...» Н. М. Карамзин.

⁴ Имеется в виду «Заметка № 3. Под суд!».

⁵ **Группа «Освобождение труда»** — первая российская социал-

демократическая организация. Создана в Женеве (Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич, В. Н. Игнатов). Участвовала в создании «Искры» и «Зари», подготовке II съезда РСДРП, на котором самораспустилась.

⁶ Драгоманов Михаил Петрович (1841—1895), украинский публицист, историк, фольклорист, буржуазный либерал, проповедовал культурно-национальную автономию Украины. С 1876 г. — эмигрант.

П. Б. АКСЕЛЬРОД

Вильгельм Либкнехт. Впервые опубликована в «Искре» (1900. декабрь. № 1).

¹ Сен-Симон Клод Анри де Руваруа (1760—1825), граф, французский мыслитель, социалист-утопист.

² Лассаль Фердинанд (1825—1864), немецкий мелкобуржуазный социалист, организатор и руководитель Всеобщего германского рабочего союза (1863—1875), деятельность которого стремился приспособить к режиму О. Бисмарка.

Д. БЛАГОЕВ

Социализм на Балканах. Впервые опубликована в «Социал-демократе» (1911. № 19—20).

¹ Предыдущий съезд проходил в июле 1909 г.

² Статья Троцкого «На Балканах и о Балканах» была опубликована в «Социал-демократе» 12 сентября 1910 г. в № 15—16.

³ Раковский Христиан Георгиевич (1873—1941), участник социал-демократического движения в Болгарии (1889), с 1896 по 1903 г. работал в Румынии и в России. Сотрудник «Искры» (псевдоним — Инсаров). Один из участников Циммервальда. С 1918 г. председатель Совнаркома УССР. С 1923 г. — полпред в Англии. В 1925—1927 гг. — во Франции. В 1927 г. исключен из партии. В 1935 г. — восстановлен. Работал председателем Союза общества Красного Креста и Красного Полумесяца. Необоснованно репрессирован. В 1938 г. по делу «Правотроцкистского блока» приговорен к 20 годам тюрьмы, в 1941 г. заочно приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно.

⁴ Кто похож, тот и соединяется (пер. с франц. сост.).

Н. И. БУХАРИН

Российская революция и ее судьбы Впервые опубликована в журнале «Спартак» (1917. № 1).

«Спартак» — еженедельный журнал Московского областного бюро, Московского комитета, а с № 2 и Московского окружного комитета РСДРП(б). Выходил в Москве с 20 мая (2 июня) по 29 октября (11 ноября) 1917 г. Редактор журнала — Н. И. Бухарин, принимали участие М. С. Ольминский, Е. М. Ярославский и др.

¹ Марков Николай Евгеньевич (Марков 2-й) (1866—?), один из лидеров «Союза русского народа», «Союза Михаила Архангела» и крайне правых в 3-й и 4-й Государственных думах. Крупный помещик. Белоэмигрант.

² Львов Николай Николаевич (1867—1944), земский деятель,

СОДЕРЖАНИЕ

Публицистика на перекрестках политической мысли	3
Г. В. Плеханов	19
На пороге двадцатого века	20
Карл Маркс	25
Централизм или бонапартизм?	33
В защиту «подполья»	46
Наше положение	54
К вопросу о расколе в социал-демократической фракции 4-й Государственной Думы	64
Под градом пуль. Заметка № 1	65
Заметка № 5. В. И. Засулич, ликвидаторы и раскольни- чий фанатизм	71
П. Б. Аксельрод	78
Вильгельм Либкнехт	79
Д. Н. Благоев	87
Социализм на Балканах	88
Н. И. Бухарин	96
Российская революция и ее судьбы	97
Клеветники	106
Парижская Коммуна и революционная Россия	108
Еще раз о тов. Ленине	110
К социализму	111
К. С. Еремеев	114
Строгий ошейник	115
В. И. Засулич	117
Н. А. Добролюбов	118
Г. Е. Зиновьев	127
Против течения	128
Важный документ	129
Не-герои	132
Еще о повороте Мартова	134
Война и судьбы нашего освобождения	135
Л. Б. Каменев	144
Лондонский съезд Российской с.-д. рабочей партии 1907 г.	145
Не по дороге	169
Против течения	175
Пять лет	179
На пороге революции	188
В. А. Карпинский	195
Неравенство перед смертью	196
К. Каутский	197
Славяне и революция	198
Л. Мартов	204
Новые друзья русского пролетариата	205

	Рабочий класс и «Русское Знамя»	214
	Бурный месяц	220
	Программа русских либералов	224
	За что бороться	232
А. Н.	Потресов	237
	Посвящается читателю-другу	238
К. Н.	Самойлова	241
	35 тысяч курьеров	242
И. И.	Скворцов-Степанов	243
	Первые заседания Государственной Думы	245
	К юзовской катастрофе	249
	Капитал и газеты	256
Л. Д.	Троцкий	261
	Зубатовцы в подпольной печати	262
	Мораль Лондонского съезда	265
	Таракан во шах	286
А. И.	Ульянова-Елизарова	293
	Искорки	294
С. Г.	Шаумян	300
	Русская революция и Закавказская власть	301
	Национализм на Кавказе и оголение фронта	304
	День рабочей печати	307
	Эволюционизм и революционизм в общественной науке	309
	Комментарии	316